

Найти себя

Автор:

Юрий Иванович

Найти себя

Юрий Иванович

Магия – наше будущееРаб из нашего времени #1

Любая тайна тщательно скрывается от непосвященных. Но есть среди тайн такие, знать которые настолько опасно, что стоит семь раз подумать, прежде чем отправляться в поход за истиной. Борису Ивляеву повезло. Он не только узнает о существовании иного мира, он в него попадает и при этом остается в живых, несмотря на смертельные ловушки. Только вот незадача: число тайн множится здесь с сумасшедшей скоростью, впрочем, с не меньшей скоростью растет и число подстерегающих Бориса опасностей. И людоеды, в лапы к которым попадает наш путешественник, еще не самое страшное, что грозит ему в новом мире.

Юрий Иванович

Найти себя

Пролог

Несколько часов назад мне исполнилось семнадцать лет. А сейчас я готов к встрече со смертью. Никчемная, полная унижений, перенасыщенная моральной и физической болью рабская жизнь остается за моей спиной. С каждым последним шагом ужас рвет мои внутренности, с каждым движением мою

бренную оболочку сотрясает страх, пытающийся вырвать из-под моего отчаянного контроля безвольное тело. Никогда еще в своей жизни я не был так уверен в собственной смерти. Все мое сознание затопила волна убежденности в приближающейся гибели. Но в то же время откуда-то из глубины моих детских воспоминаний старается встать с колен, пытается расправить плечи маленький, но гордый и негибаемый мальчик, который, как мне казалось, давно растворился под обвалами человеческой ненависти, оскорблений и несправедливости. Оказывается, он жив! И по спине пробегают мурашки от осознания, что этот мальчик хочет вырваться из рабства путем собственной, но на этот раз окончательной смерти.

Последние двенадцать лет жизни меня медленно и уверенно превращали в раба. Надо мной частенько издевались и обижали. Меня сделали соучастником нескольких жестоких убийств. Мое тело лишили романтики первого поцелуя, извратили радость нормальных сексуальных отношений. Пережитый мною позор тщательно зафиксировали на видеокамеры и неоднократно использовали при дальнейшем шантаже, заставляя помалкивать о некоторых глумлениях. Во всей вселенной нет даже единственного существа, которое бы меня любило, уважало или хотя бы пожалело. Нет, вру! Иногда меня жалели, но лучше бы этого не делали! Потому что всегда это мне приносило лишь дополнительные унижения и горькие страдания. Вот как сегодня: за проявленную ко мне посторонними парнями жалость мои мучители меня жестоко избили, пообещали изуверски надругаться и вышвырнули на улицу со словами: «Твое место в сарае, Подошва!»

И вот я здесь. Осталось сделать еще два шага и обрести свободу с помощью смерти. Легко? Нет! Невероятно трудно! Я уже буквально содрогаюсь в конвульсиях леденящего ужаса. Но оживший во мне свободолюбивый ребенок со скрипом двигает моими конечностями и безудержно ведет к гибели. Левая рука ногтями впивается в кору толстеного дерева, в правой дергается чудом удерживаемый фонарь. Еще один шаг! А перед мысленным взором скачками проносится вся моя короткая жизнь. Неужели такое и в самом деле случается с каждым человеком перед его смертью? Но если они погибают, то как и кому потом могут рассказать о своих переживаниях? А рассказать мне есть что. Жаль только, что уже некогда и некому.

И все равно, сознание, совершенно произвольно от моего желания, само себя окатывает волнами многолетних воспоминаний.

Глава первая

Воспоминания детства

Любое совпадение с жуткой реальностью воспринимать как случайность и считать юмором.

От автора

Если уже вспоминать свою несчастную жизнь, то следует это делать именно с пятилетнего возраста. С тех самых детских, казалось бы, невинных шалостей, которые повлекли за собой основные кардинальные изменения в моей судьбе. А может, и не они повлекли, а именно та безрассудная свобода, которую мне даровали недалёковидные, плохо постигающие истинные реалии родители. Но осознание своего падения, осознание моих первых шагов на пути к рабству, навязанному лучшими подругами, начинается именно оттуда, с пятилетнего возраста.

Сколько себя помню, при любом удобном случае мои ветреные родители старались меня отправить на максимально больший по возможности срок в деревню Лаповка. Для этой цели отец не ленился трястись четыре часа в одну сторону на своем произведенном в Тольятти рыдване, отвозя на малую родину, и там меня лично сдавать на руки его родной матери. Бабушка Марфа во мне души не чаяла, я ей отвечал полной взаимностью, и, пожалуй, это больше всего скрашивало мое пребывание в этом прекрасном, но жутко диком, отдаленном от цивилизации и заброшенном месте. В малолетнем возрасте меня никогда особо не манили заливные луга, густой лес или скалистые гряды, протянувшиеся меж холмов и упирающиеся в нашу Лаповку. Скорее, с уверенностью могу заявить о себе как о человеке сугубо городском, приемлющем только удобства урбанизации, не отрицающем гул городского транспорта и с особым удовольствием бродящем по многолюдным, чаще даже запруженным народом улицам. Причем с таким удовольствием бродящем, что уже в юношеские годы любил порой просто «потеряться» в толпе и бездумно брести вместе с ней куда попало. Полностью при этом доверяя слепой судьбе и спонтанному провидению.

Но увы, родители никогда не спрашивали, где я хочу находиться, да и в родной городской квартире они меня одного оставить не могли, почему-то упорно считая, что ребенок должен быть обязательно под чьим-то присмотром.

Наивные! Оставьте они меня хозяином собственного времени – судьба моя сложилась бы совсем по-иному. Ну а так...

Конечно, были и другие приятные моменты в нашей Лапе, или Лапушке, как мы любовно называли огромную деревню. Вернее, даже не деревню в обычном ее понимании, а эдакий длинный ряд хуторских хозяйств, протянувшихся от шоссе до дороги, могущей фигурально сравниться с наивысшим техническим чудом окрестностей, к чудом сохранившемуся тупику, окруженному лесом, лугами и уже упомянутыми выше холмами и скальными грядами. Причем дом моей бабушки находился в этом ряду индивидуальных хозяйств самым последним, потому что два строения на противоположной стороне широкой улицы практически всегда пустовали. Их еще до моего рождения выкупили какие-то столичные нувориши, да так и не придумали иного применения, как раз-два в год приехать дикой, многомашинной компанией для жарки нескольких ванн шашлычного мяса. Еще один, полуразвалившийся, домик стоял позади нашего ближнего огорода, но кто его истинные наследники, даже бабушка Марфа при своей жизни затруднялась вспомнить.

В общем, простора для детской компании, свежего воздуха и здоровой до отрывки пищи хватало не только с лихвой, но и с переизбытком. Это было вторым положительным фактором, после наличия там любимой бабули. Третий фактор можно проскочить в упоминании бегло, потому что пользоваться им в Лаповке у меня практически возможности не было. А именно: отец, по специальности инженер-электронщик, исполнял мою любую прихоть в плане наличия всего, что связано с оргтехникой, радиоэлектроникой, телекоммуникациями и приборами далеко не бытового значения. И разрешал брать в дикую глушь все, что мне заблагорассудится. Мало того, он с каждой ходкой, как правило, привозил один-два, а то и три ящика списанных на заводе деталей и сгружал их или на безразмерный чердак, или в одно из помещений «многоквартирного» сарая.

Бабушка порой порывалась с ним ругаться, но отец только обезоруживающе улыбался и просил:

– Мамулька, чего ты шумишь? Ну пусть себе полежат, место есть, и кушать не просят.

И его любящая мать, укоризненно вздохнув, всегда отступала.

Я обожал все эти детали всего лишь чуть меньше любимой, родной бабушки. И могло бы показаться, что такому ребенку, как я, больше никакой радости в жизни и не понадобится: сиди себе копайся в горах добра, выискивай в справочниках нужные параметры и создавай какие хочешь произведения собственной технической фантазии.

Но вот тут и выходил прямо-таки на первое место четвертый фактор: компания.

И с раннего детства она мне казалась чудесной, распрекрасной, доброй и чуть ли не сказочной. Отказываться от нее в дошкольном, да и начальном школьном периоде мне казалось дикостью. Тогда, в пятилетнем возрасте, нас было пятеро. Пятеро одногодок, родившихся в марте и апреле, но связанных не только одним и тем же возрастом, едиными местами проживания, учебой в одном и том же классе, а еще и вполне легко прослеживаемыми родственными связями. А если бы эти связи не прослеживались, то достаточно было узнать одну общую для нашего рода фамилию: Ивлаевы. Да пожалуй, и весь соседний край изобиловал этой фамилией: в кого ни плюнь, попадешь все в того же Ивлаева или его родственника. Ну и как положено в таких случаях, начинать представление следует по старшинству.

Первого марта у нас праздновал день рождения Димочка Ивлаев. Мой троюродный брат. Самый высокий ростом среди нас, но и самый худой, с большими задумчивыми глазами и с рыжим чубом, совершенно не вяжущимся с общим обликом. Почему Димочка так и не стал в моей памяти Дмитрием? Печальный вопрос, но об этом чуть позже.

Потом, девятнадцатого марта, на свет появилась Машка Ивлаева. Во времена нашего перехода на шестой год жизни к этому дитяти кроткой, сказочной наружности обращались все только как Машенька, Машуня, Ангелочек, Херувимчик, Дюймовочка, Конфетка, Цветочек, Сладость и так далее и тому подобное. Причем Машка всегда и везде, при любых обстоятельствах в присутствии взрослых родственников умела сохранить это прилипшее к ней в детстве отношение. Все были уверены в ее смирении, добропорядочности и никогда не сомневались в искренней честности. Что на это сказать? Да много чего, но чуть позже. Сейчас со скорбным вздохом напомним только одно: в тихом омуте черти водятся.

Двадцать четвертого марта родился я, Борис Ивлаев. Ни ростом, ни шириной плеч или косолапостью ног не отличался. Уши в стороны тоже не торчали.

Веснушек в меру и только в начале лета. В общем, чего перечислять: вполне нормальный ребенок. В то время. Эх! Самая счастливая пора моей жизни! Туда я всегда готов вернуться и жить озорным мальчуганом сотни лет. Увы, не суждено.

Ну и последние двое из нашей компании могли бы считаться единым целым, потому что они родились как в один день первого апреля, так и от одной матери и являлись идеальной копией друг друга. Моих троюродных сестер-близнецов звали Вера и Катерина, и, по всеобщему мнению, они считались хитрющими, пронырливыми лисичками. Так к ним чаще всего и обращались: лисички. А несколько жестковатая разница в именах преследовала со стороны родителей одну цель: чтобы близняшки воспитались, сформировались и стали жить совершенно по-разному, единолично воспринимая весь мир и ни в коей мере не подстраиваясь под характер себе подобной сестры. Ожидания не оправдались, получилось с точностью наоборот. Что Вера, что Катерина только тем в основном и занимались, что старались уничтожить малейшие различия между собой. Доходило до абсурда: если кто-то наносил себе нечаянную царапину, обе тут же мастерски старались сделать точно такую же на неповрежденном теле сестры. Мол, чтобы и мини-шрамики, если вдруг появятся, были совершенно идентичны. В итоге, доходило до того, что они сами порой путали, кто из них Катенька, а кто Верочка, отзываясь на любое из этих двух имен одновременно. Родная мать их путала постоянно, про остальных людей и речи не шло. Но было и тайное исключение: один человек с одного памятного для него дня близняшек различал всегда, везде и даже по одному только голосу. Как он на это сподобился, осталось в тайне для всех, да он и не сильно-то об этом распространялся. Просто пользовался своими умениями и все. Причем не только себе во благо, но частенько и в ущерб. Но про эти нюансы родственных отношений и тайну опознания будет рассказано чуть позже, по единой хронологии событий.

То есть никто из нашей пятерки, попавшей по явному предназначению в порочный круг, вырваться оттуда не мог. У всей детворы их родители оказались влюблены в родную деревню и для своих чад иного места для отдыха, каникул или проведения отпуска (так они называли свои отъезды по дальним командировкам, когда детей сбрасывали в Лаповку) и не подыскивали. То есть, что такое турбаза, пионерский лагерь или интеробмен с другими государствами, мы только узнали совершенно недавно из газет, книжек и телевизионных программ.

Ну и так, очень коротко, кто, кому и кем доводился. Если разберетесь – вам повезло. А нет, так и без разницы.

Моя любимая, родная бабулька имела двух сестер и двух братьев. Машкины родители мою бабушку Марфу называли тетей, как и ее младшего брата Назара, проживающего с ней в родовом гнезде, – дядей. То есть одна из бабушек моей троюродной сестры Марии была старшей сестрой бабы Марфы. Младшая сестра Марфы являлась бабушкой Верочки и Катеньки. Ну и второй брат из старших родственников являлся дедом нашего Димочки. Уже упоминал, что все, вдоль и поперек, с одной фамилией Ивлаевы. И все как один свозили своих деток в Лаповку и оставляли их там со спокойной душой и чистой совестью, считая свои отцовские и материнские обязанности перевыполненными с лихвой. В детском садике – да, они за нас переживали, в школе – еще больше, а в деревне словно вообще забывали о существовании у них потомства. Еще и удивлялись, когда их спрашивал кто о нашем самочувствии: «Да что с ними станет среди такой красоты?»

Ну и напоследок хочу добавить, что близняшек сразу сдавали на руки бабушке Марфе, потому что иной родни там издавна не проживало – потянуло в город. Машка теоретически жила у своей бабушки в центре деревни, но на практике тоже спала и кормилась в нашем доме. А Димочка слыл вторым после меня любимчиком Марфы, и она в его детские годы не ленилась ходить за ним к своей младшей невестке и забирать по праву старшей возрастом в семье и более сильной духом. Против этого никто не спорил.

В семейном доме было две-три, порой и четыре коровы с телятами, парочка коз, до сотни курочек и несколько хрюшек. Со всем этим хозяйством да плюс с огородом и садом играючи справлялся добрейший дед Назар, о котором сказать что-то плохое или несправедливое и язык не поворачивался. Переболев в детстве менингитом, оставшись после этого наполовину глухим, он несколько приостановился в своем развитии, так и оставаясь в наивном мирке грез, мечтаний, любви к простой крестьянской работе. А вся деревня его по-родственному защищала и оберегала. То есть Назару жутко нравилось ухаживать за детьми, выращивать овощи и фрукты и присматривать за животными. Тем более что летом пасти тех самых животных нужды не было: что козы с коровами, что свиньи с курами паслись сами, прекращая свое полудикое состояние только с выпадением снега, с неохотой возвращаясь в хлев к заготовленному сено. В руки чужим не давались, волков, за неимением оных, не боялись. Да и о воровстве как таковом в Лаповке во все времена даже

разговоров не велось. Чего о нем трепаться, если оно так далеко и чуждо для селян, как борьба аргентинских индейцев за свои права на границе с Чили! В общем, дед Назар, а по общепринятым в современном мире понятиям – еще крепкий мужчина в полном расцвете сил, жил как в раю: его все уважали, любили, и он отвечал этому миру полной взаимностью.

Конечно, существовали в Лаповке и иные люди, да и в самом городе, где мы жили, хватало личностей, влияющих на наши судьбы, но не все они достойны предварительного упоминания, потому что в пятилетнем возрасте мы про них еще ничего не знали. А если и знали, то вполне законно игнорировали с детской непосредственностью.

Зато в пять с малым лет и случилось то первое аморальное отклонение, так повлиявшее на всю мою жизнь.

Начиналось все довольно невинно, неосознанно, но одновременно жутко интересно и таинственно. Уже и не помню от кого, но поступило предложение играть в дочки-матери. То есть игра во взрослых. Или что-то в этом роде. Мы деловито забрались на самый большой сеновал и начали новую игру. Впятером. Потому что иных сверстников вблизи нас никогда не было, небольшая компашка деревенских роилась в центре Лаповки и ближе к трассе, и ни они нам своими советами не мешали, ни мы к ним за разъяснениями не ходили. До всего додумывались собственным умом и логическими размышлениями. И правила любой игры, если не были известны, смекали прямо на ходу. Порой эти правила додумывались настолько лихо и фривольно, что ни в одной рекомендации по Камасутре не отыщешь. В новой игре как раз и проявился весь нажитый к тому времени жизненный опыт и удивительная, доставшаяся неведомо от каких предков сообразительность.

Перекосы пошли с первой репетиции, где в первой же сцене «разборки мужа с женой» скрививший свое личико Димочка авторитетно заявил:

– Все у вас неправильно! – Это он к нам четверым обращался. – Раз уже ночь, то дочки должны спать и не подсматривать. А муж с женой должны не просто ругаться, а быть голыми и время от времени целоваться.

Машка, играющая роль жены, возмущенно взмахнула своими ресницами:

– Целоваться – глупости! И все об этом знают.

Понятно, что я тоже ей поддакнул и головой утвердительно кивнул вдобавок. Хотя как исполняющему роль мужа, мне страшно хотелось ее поцеловать. В ответ на наши возражения Димочка насупился и стал сердиться:

– В дочки-матери надо только так играть! Так что раздевайтесь и целуйтесь!

Кажется, сам факт раздевания нас тогда вообще никак не коснулся. Смущаться никто и не подумал, нас частенько купали в одной ванне или корыте. Но Машка переживала о другом моменте и сделала последнюю попытку избежать неминуемого действия в виде поцелуя:

– Но это же противно!

Знаток уложившихся в его голове хаотичных правил озабоченно почесал свой рыжий чуб и неожиданно согласился:

– Знаю, что противно, даже в кино видел, как после поцелуя пощечину дают.

– Да? – с недоверием протянули мы в четыре голоса. – И больно?

– Да нет, наверное. – После чего он перешел на заговорщицкий шепот: – Но я и сам подсматривал, как папка с мамкой то целуются, то ругаются. А потом она на него уселась, как на лошадку, и долго мучила. Он даже стонал, бедный. Потом и она от жалости застонала. А потом опять целовались.

Такие откровения нас мало сказать что огорошили. Они нас ошарашили! Наверное, впервые мы серьезно задумались: насколько это тяжелый труд быть взрослым и иметь семью, если приходится идти на такие жертвы и лишения. Мне сразу расхотелось играть роль мужа, но мое мнение как-то всех уже больше не интересовало. Зато Машке вдруг перестало быть противно, и она с легкостью согласилась на продолжение игры. Разделись мы моментально, как и «детки» за компанию. Их уложили спать чуть в сторонке, и они нагло делали вид, что спят с открытыми глазами. А наш эрудированный Димочка стал изображать из себя режиссера голливудского блокбастера. То есть руководил всеми нашими действиями и давал ценнейшие рекомендации по улучшению нашей правдивой

игры:

– Борька, ты чего так боишься? И не отскакивай сразу. А ты чего сразу бить спешишь? Губами надо долго прикасаться. Ну! Еще больше! Хорошо. Теперь... Машка! Ты дура? Зачем так сильно бить? Муж не должен падать и плакать от боли. Легонько так надо, легонько. Ну! Повторяем!

– Теперь твоя очередь! – возмутился я, языком ощупывая опухающую губу. – Пусть она на тебе тренируется!

– Ну нет, если не хотите играть, то я вообще уйду! – демонстрировал Димочка свое недовольство. – И сами тут хоть лопатами деритесь!

Кажется, Машке что-то понравилось: не то поцелуи, не то пощечины.

– Нет, нет! Играем дальше. Борька, не бойся, я буду тебе давать пощечины только понарошку.

– Ну, если понарошку...

Чего мне еще оставалось делать? Разве что и в самом деле изображать рассерженного папашу: «Дети, почему не спите? Вот я вас сейчас по попе!»

Дальше стало смешнее и совсем весело: «детки» подставили попки, я их хорошенько отшлепал, а потом со своей «женой» долго репетировал поцелуи с пощечинами и «катание на лошадке». Затем мы менялись ролями, побывав в шкуре каждого игрового варианта, и нам все это жутко понравилось.

Понятно, занятые по хозяйству дед Назар и бабушка Марфа и не поинтересовались, чем там внучки? занимаются. Тихо – да и ладно.

А мы в своих играх пошли дальше. Появились новые развлечения и сериалы: «Доктор и пациенты», «Короли и рыцари», «Королева мучает попавших в рабство рыцарей», «Короли мучают и заставляют делать всякие глупости плененных принцесс». Ну и так далее. И наоборот. И еще раз по-иному. И совершенно иначе. Детские фантазии безграничны.

Но при всем этом могу смело утверждать: мы ни разу не перешли каких-то определенных барьеров, за которые мне было бы смертельно стыдно. Да и Димочка как-то вполне логично и естественно умел не только сам различить, но и нам подсказать, что правильно, а что нет.

Так прошло три года. А так как мы ходили в один класс одной и той же школы, жили все почти рядом, то и свободное от школы время мы полностью посвящали своим романтическим играм и забавам. От самого обеда и до возвращения родителей с работы мы вытворяли, что нам вздумается, а уже вечером, уставшие и успокоенные, занимались каждый у себя уроками. Правда, для всех взрослых, наши сборища у кого-нибудь из нас дома маскировались набившей оскомину фразой: совместные домашние занятия. Усомниться в этом мы никогда повода не давали: учились только на «хорошо» и «отлично».

Скорее всего, мы бы так весьма культурно, с детским романтизмом, неослабным интересом, подспудной тягой к запретному, лет через пять и до первых сексуальных взаимоотношений добрались, если бы не случилась нелепая трагедия. Наш Димочка погиб. Причем вместе со своими родителями. И случилось это при невероятном стечении обстоятельств. Первого марта Димкин отец принес к ним в дом три путевки и похвастался:

– На твой день рождения я купил тур для нас троих в Египет! Горящие! Почти даром!

Мы все как раз уже стояли в коридоре, собираясь расходиться после очередной ролевой игры «Гонки голых принцесс на своих голых рабах», но от такой новости нашли в себе силы прыгать от радости до потолка. О древних пирамидах мы уже знали, поэтому даже не слишком завидовали Димочке, что он их скоро увидит собственными глазами. Действительно восторгались такому счастливому случаю.

Через неделю они уехали.

А еще через десять дней из Египта привезли три запаянных гроба. Туристический автобус перевернулся, завалился в какую-то расщелину, и половина путешественников погибла. И наш товарищ, лидер компании, брат – тоже умер. Вот так наш любимый Димочка и остался в нашей памяти ребенком. Вот так он и не стал Дмитрием.

Трагедия опять-таки сильно коснулась и нас четверых. В том плане, что теперь наши родители о каких-то дальних туристических поездках и не заикались. Только в командировку! А детей – только в Лаповку!

Так что впервые в нашей жизни мы остались вчетвером. Дело пришлось как раз на весенние каникулы нашего второго класса, и начались они под аккомпанемент частого плача бабушки Марфы и причитания впервые хмурого деда Назара. Да и мы один день ходили потерянные, словно пришибленные. Горе утраты лишило нас обычной веселости и непоседливости.

Увы, долгая грусть претит детской натуре. И уже на второй день мы забрались на теплый чердак, закрылись, чтобы никто случайно не помешал, и занялись очередными развлечениями. Кажется, играли спектакль «Королева хозяйничает в своих владениях». Причем впервые это проходило без нашего главного режиссера и главного постановщика в лице Димочки. Но вот именно в тот самый раз Машка и заявила свои права на лидерство в полный голос. Да так заявила, что и мне, и близняшкам здорово и совсем не понарошку досталось «физических наказаний». Сказалась, видимо, ее долго скрываемая склонность к некоторому садизму и отсутствие основного сдерживающего элемента в лице нашего прежнего лидера Димочки. Мы тоже оказались не правы. Все трое. Потому что не стали обострять обстановку, оказывать явное сопротивление и доводить Машку до истерики. Как-то думалось, что это у нее от горя и очень скоро пройдет.

Не прошло. А со временем еще и усилилось. Менее чем за год наша королева, как она требовала к себе обращаться при наших играх, превратилась в маленькую стервозную сучку, буквально затерроризировавшую всех троих. Причем Верочка с Катенькой сдались первыми на милость рабовладелицы и стали ей даже во всем подыгрывать. Похоже, им такой вульгаризм и необычность отношений даже нравились. И уже все втроем они дружно набрасывались на меня. Понятно, что справиться с тремя подругами у меня практически уже не было шансов. Но я боролся, от всей души боролся. И за них, и в первую очередь за себя. Даже кое-какое ко мне уважение появилось, некий страх, что я могу рассердиться и так им порой надавать! Мальчик все-таки.

Увы! Судьба в тот момент мне подставила жестокую подножку. Дело было после Нового года, когда мы в третьем классе на зимних каникулах опять все вчетвером собрались в нашей Лапе. Снега хватало, мороза тоже, да и сопутствующего детского инвентаря для зимних развлечений родители нам

покупали с излишком. Так что мы не только забавлялись на чердаке, но еще и на санках катались, на лыжах порой по окрестностям бегали и даже на коньках в центр деревни добирались, где старшие ребята себе нечто вроде хоккейной площадки оборудовали.

Я мечтал стать или моряком, или знаменитым хоккеистом, поэтому иногда хватал коньки и сбегал от своих подружек, лишь бы хоть немного потренироваться с клюшкой и шайбой. В тот злополучный день я тоже оказался на площадке.

Вот там я и упал. Несуразно перескакивал небольшой намерзший бугорок, коньки пошли вперед, и в момент падения я ни на бок вывернуться, ни попой смягчить удар, ни локтями подстраховаться не сумел. Так и грохнулся спиной на тот злополучный бугорок. Боль в районе поясницы меня на короткое время лишила сознания. Но очнулся опять-таки от боли: деревенские пацаны пытались меня поднять, намереваясь сделать несколько насильственных приседаний. Им втемяшилось в голову, что у меня дыхалка сбилась.

Уже и не знаю, каким чудом, но с жуткой мимикой и мольбой в голосе мне удалось их остановить от подобного безрассудства. Просто упросил поставить меня возле дерева и оставить в покое. Сам, мол, отдышусь. Больше часа стоял. Замерз настолько, что и боль чувствоваться перестала. Тогда я двинулся домой. Шел медленно, ибо каждый резкий толчок вызывал пронзающую от позвоночника боль, и я боялся опять потерять сознание. Но дошел, проявив редкую для меня настойчивость и целеустремленность.

Бабушка Марфа меня встретила, как всегда, с причитаниями, девчонки – с недоверием и ехидными улыбками. Но в постель уложили, дали меда и горячего чая с блинами. А добрейший дед Назар укутал мою поясницу компрессом с какими-то травами и спиртом.

Вот как раз в первый вечер и произошло в моем мозгу какое-то затмение-прозрение. Потому что иными словами я до сих пор не могу охарактеризовать то событие. Немного отлежав один бок, я попытался завалиться на спину и перевернуться на другой, как у меня в тот момент в позвоночнике взорвалась такая пульсирующая точка боли, что я громко застонал и на какой-то момент потерял сознание. А когда очнулся от боли, бьющейся в висках, сначала не мог ничего рассмотреть из-за красных кругов перед глазами и прочих радужных разводов. И только чуть позже различил две совершенно одинаковые,

склонившиеся надо мной головки наших лисичек. Они тоже показались словно сотканные из тумана, на странных, полупрозрачных шейках и с белыми от переживаний щечками.

– Кать, ему и в самом деле так больно? – спросила та, что находилась правее.

– Ага! Ты ведь слышала, как он стонал.

– Значит, он не притворяется? Тогда мне его так жалко.

– Глупая ты, Верка! Мне его тоже жалко.

И в тот самый момент я четко, до какого-то судорожного всплеска радости в сознании, осмыслил всю разницу между этими идеально похожими девчонками. И навсегда запомнил те чувственные модуляции их голосов, которые позволили бы мне различать подружек даже с завязанными глазами. Это знание так естественно и гармонично влилось в мое тело, что боль оттуда исчезла, я вздохнул свободнее и даже попытался улыбнуться:

– Так в спине кольнуло, думал, умру.

– Так не вертись! – стала распоряжаться Катенька.

– Мы сейчас бабушку позовем! – решила Верочка, и они обе умчались.

Но с тех пор мне одного взгляда на них или единого слова с их уст хватало для стопроцентного опознания. Причем сам себе я никогда и не пытался объяснить, что и почему такое случилось. Просто все списал на сильную боль и невероятно обострившееся в момент осознания восприятие. А уж на память я никогда не жаловался.

То есть хоть что-то от злосчастного падения осталось положительное. Опять-таки – иногда и отрицательное «что-то» из-за моих знаний на меня валилось.

Так я вылеживался три дня. И так я стал инвалидом.

Это уже потом врачи долго и витиевато рассказывали о какой-то декомпрессии, защемлении нервов и обязательном, прямо-таки кардинальном лечении с первого часа после травмы. А в Лаповке об этом никто не подумал. Да и я не стремился попадать в больницу. Тоже поверив, что покой, блины и компрессы меня быстро поставят на ноги.

Да так в принципе и получилось: на четвертый день я уже вставал, на пятый бегал, а на шестой подружки затащили меня на чердак, где я принял полноценное участие в очередной ролевой игре. Разве что верхом на мне тогда не ездили, и мне приходилось изображать раненого рыцаря, которого непобедимые воительницы захватили в плен и доставили для пыток пред светлы очи своей королевы. Понятно, кто была королева и что она со своими воительницами со мной вытворяла. Но тогда все наши забавы еще носили эдакий налет детских шалостей и уместались в рамках здравого смысла.

Основные проблемы начались через год.

Опять-таки к новогоднему празднику выяснилось, что я перестал расти. Располнел, набрал лишний вес, лицо стало округляться, но в высоту я не подрос ни на сантиметр. Доктора уже вынесли свой вердикт: отсутствие должного лечения. Но пытались и утешить: мол, ничего страшного, со временем организм сам начнет восстанавливаться и рост возобновится. По большому счету меня тогда это не сильно волновало, потому что разница со сверстниками в росте еще настолько сильно в глаза не бросалась.

Тем более что отвлечься было на что: мы в нашей компании впервые узнали, что такое секс. Здесь уже вся инициатива принадлежала Машке. Она выискала у своих родителей порнографические фильмы, и мы впервые, сдерживая прерывистое дыхание, просматривали самые откровенные постельные сцены на нашем оборудованном на вполне надлежащем техническом уровне чердаке. Благо что и я к тому времени умел не просто собрать компьютер, но и настроить его для любой работы.

Просматривали. Обменивались мнениями. А потом и пробовать стали. Конечно, не все и не сразу, но уже к весенним каникулам, когда нам исполнилось по одиннадцать лет, я с полной уверенностью мог называть себя взрослым мужчиной. Потому что определенное вещество, которое изначально требуется для зачатия детей, из меня уже било фонтанами. А шесть шаловливых ручек и три розовых язычка готовы были заставлять меня извергать эти фонтаны

круглосуточно.

Такая интенсивная половая деятельность в моем возрасте даже привела к тому, что я опять похудел и к лету стал напоминать тощего заморыша. Вот тогда я и сделал последнюю попытку вырваться из ручек моих распоясавшихся подружек, потому что уже на полном серьезе начинал Машку бояться. Я попросил, вернее, даже умолял своих родителей, чтобы они меня оставили дома, а еще лучше отправили на лечение в какой-либо санаторий. Мои просьбы привели к противоположному результату.

– Да ты посмотри на свою худобу! – ругались отец с матерью, перекрикивая друг друга.

– На молоко и сметану! В Лаповку!

– И творог твоим костям нужен в первую очередь!

– Ни в каком санатории нормального питания не обеспечат!

– Да и пора тебе как мужику побольше мяса есть. В том числе и куриного!

Жареную курочку я обожал, поэтому задумался на короткий момент, что было воспринято моей мамочкой как полное смирение:

– Вот и отлично! И я с тобой отправлю пяток «баночек» со сгущенным молоком.

Она работала завскладом на фабрике мороженого, поэтому в нашем холодильнике всегда как минимум стояла одна трехлитровая «баночка» со сгущенкой, а вся морозилка была забита мороженым разного сорта. При этом моя родительница любила повторять:

– Только в анекдотах сапожник бывает без сапог.

Судя по тому, как и с каким усердием мой отец таскал со своего завода списанные и совсем еще не списанные детали, а то и целые устройства, он тоже целиком поддерживал свою супругу в подобном мировоззрении. Я тогда еще не понимал всей подноготной вышеназванного мировоззрения, поэтому относился к

таким делам полностью флегматично и индифферентно. Обожал ящики с детальками, многочисленные блоки и целые устройства, с удовольствием ел сгущенку с хлебом, а мои подружки деловито поедали скапливающееся в морозилке мороженое.

Но именно ту самую погрузку в машину пяти огромных банок со сгущенкой я и запомнил как переломный этап, как некую черту, отделившую мое детство от юности. Потому что детство для меня закончилось в тот момент, как только я летним вечером оказался в Лаповке.

Глава вторая

Воспоминания юности

Разгрузка автомобиля, порученная мне, еще только началась, как наша королева собственнически схватила меня за руку, оттащила за сарай и поставила перед фактом:

– Ты уже взрослый, и я уже взрослая!

Они приехали на пару дней раньше, и я подумал, что случилось самое банальное:

– Как?! Ты уже не девушка?!

В последние месяцы мы очень интенсивно на эту тему просвещались с помощью Интернета и достигли таких высот в теоретическом познании межполовых отношений, о которых, вполне возможно, и наши родители не подозревали. Но все вчетвером торжественно решили, что и Мария, и Вера с Катей так называемую дефлорацию будут проходить со своими законными мужьями. Ну а все остальное следов не оставляет, значит, можно творить что угодно. Главное, чтобы определенные жидкости не попадали куда не надо. Потому что мы вычитали о возможности забеременеть даже девственницам.

А уж тем более такие понятия-различия, как девушка-женщина, мы осознавали прекрасно. Именно поэтому и я подумал, что Машка за эти пару дней как-то «сорвалась» и что-то натворила.

Подумал, высказался и сразу получил наказание в виде впившихся мне в руку ноготков.

– Дурак! Совсем не соображаешь?

– Ну так ты же сама сказала.

– Что я сказала? Что женщиной стала? Недоумок! Забыл, что значит быть взрослым? – Когда она злилась, могла и глаза выцарапать.

– А-а-а! Конечно помню, – сообразил я, одновременно загораясь жутким любопытством. – Ну? И как оно?!

– Выше крыши! – в полном восторге закатила Машка свои прекрасные глазки. – Я даже испугалась вначале, так меня заколотило.

По всем логическим и научным выкладкам, которые мы почерпнули в Интернете, получить оргазм в возрасте одиннадцати лет считалось невозможным. По крайней мере, являлось общепринятым фактом, что подобное удовольствие в таком возрасте – явление крайне редкое. Ну а вот у Машки получилось. И не верить ей я даже не подумал. Уж на что она была стервой и гадкой девчонкой иногда, но врать никогда не врал, тем более в нашей компании мы давно сделали правду основным законом.

Так что «взрослой» она и в самом деле стала однозначно. Но затащила она меня за сарай вовсе не с целью высказаться, а с желанием «порадовать» своими очередными вожделениями.

– Поэтому разгружай быстрее машину, и мы тебя ждем на чердаке! Срочно хочю попробовать оргазм от тебя. Это раз. А во-вторых, ты просто обязан будешь научиться доставлять такое же удовольствие лисичкам. Им тоже хочется.

Я сделал безуспешную попытку вырваться из ее хватки.

– Ну так у тебя тоже вроде неплохо получается. Тем более ты сейчас лучше знаешь, где и как, сама ведь прочувствовала.

Она резко прижала меня к стене сарая, схватив за горло. И вот тогда я с ужасом понял, что ростом ниже Машки. И чуть ли не слабее. Она буквально нависала надо мной, исторгая из себя злобу и недетскую строгость.

– Раб! Ты сегодня будешь замучен насмерть, если хоть на капельку ослушаешься приказов своей королевы! Понял?

Если бы она меня уговаривала, я бы быстрее согласился на любые игрища, но и в данном варианте я не посмел ослушаться. Прошипев свое согласие, остался в одиночестве и, растирая шею, отправился завершать разгрузку машины. Отец собирался выехать в обратную дорогу всего лишь через час. Ему очень нравилось ездить ночью, когда дороги свободны и ничто не ограничивает максимальной скорости.

Он-то уехал, а мне после ужина пришлось взбираться на чердак. Вот тогда с еще большей силой я пожалел о безрассудности собственных родителей: Машка где-то достала фильмы с элементами эротического садо-мазо. И это лето у нас прошло под аккомпанемент нового, кардинально измененного репертуара ролевых спектаклей. Названий было много, прямо дикое разнообразие, уж поверьте изощренным девичьим фантазиям. Они и без меня придумывали такое, что только титулы могли бы составить весьма интересную книжицу для сексуальных извращенцев и любителей групповухи.

И больше всего доставалось мне. На меня надевали ошейник, навешивали цепи, и я поражаюсь, как кандальный звон и лихие выкрики ни одного раза не привлекли к нашим игрищам внимания деда с бабкой. Ну, Назар-то был глуховат с самого детства, да и излишним любопытством никогда не страдал. А вот почему бабушка не полюбопытствовала: чем внушек с внучками занимаются? Чего это они целыми днями или на сеновале, или на чердаке сидят? Мало того, мы и ночами стали проводить большую часть времени или за просмотром фильмов, или разыгрывая очередные сценки. И ничего! Никакого к нам внимания!

Это я позже понял, что любимая бабулечка серьезно болела. Сердечко пошаливало, а к врачам так и не обращалась. Все какими-то народными

средствами пользовалась, какие-то травы да настои пила. Особенно на ночь, для крепкого сна, как утверждала. Получалось, она не лечилась, а просто спасалась от бессонницы, загоняя себя и усугубляя нездоровое состояние.

И осенью, в начале октября, бабушка Марфа умерла. На похороны из нас никого не взяли. Лишь на осенних каникулах мы в первый день приезда подались на ее могилку и пару часов просидели вчетвером на лавочке. Переговариваясь о своем, раскрывая самые сокровенные тайны и как бы советуясь с самым любимым и искренним в своей любви к нам человеком. Могло показаться странным, но Машка почему-то задумала оправдаться перед умершей и словно на уроке поведала, глядя на венок, о самых основных наших шалостях. А потом добавила:

– Если до заката нам никакого знака не будет, значит, мы все делаем правильно и бабушка на нас не сердится!

Я не удержался от возражений:

– Солнце и так уже наполовину село. Да и какие могут быть знаки с того света?

– Мы догадаемся, когда увидим что-то странное и непонятное. Я читала.

– Где?

– Где надо, там и читала! А ты не знаешь, так сиди и помалкивай! – окрысилась на меня наша королева.

Ничего не оставалось делать, как вздохнуть и смириться. И с какой-то потаенной надеждой ждать любой странности в округе.

Увы! Ничего не произошло. А может, мы просто не туда смотрели и не к тому прислушивались. Но любящая бабушка Марфа так и не отозвалась. И никто из живущих посторонних не догадался подслушать наши откровения со стороны. Потому что наверняка бы изумился и принял бы меры. Хотя бы рассказал родителям. Потому что сами мы ни полусловом о наших игрищах никому рассказывать не осмеливались. Давали страшные клятвы и нарушать их не собирались.

Солнце закатилось, Машка вскочила и потянула нас в дом:

– Быстрее! Родители сейчас уезжают, и надо показать, что мы послушные и хорошие. Слушаемся деда Назара и будем ему помогать по хозяйству.

Опять-таки и показывать особо не пришлось. Наши родители даже на миллиграмм не засомневались в том, что их чадам в Лаповке будет плохо. Смерть бабушки Марфы на устоявшиеся стереотипы не повлияла. Опекать добрейшего, пусть и глуховатого Назара их устраивала полностью. Тем более что и общее мнение про нас у отцов и матерей превалировало одно:

– Так ведь и они уже не малыши! Двенадцатый год, поди, идет каждому.

Но больше всего их успокоила наша великая артистка. Машка кивнула головой, сложила ручки на груди и с чувством урожденной «матери Терезы» пообещала:

– Не волнуйтесь, я присмотрю за младшенькими.

В тот момент я был готов убить эту притвору, исцарапать ей лицо и наставить синяков по всему телу. И она, кажется, это прочувствовала. Потому что, когда наши родители уже усаживались в машины и прощались с дедом Назаром, подошла сзади, ущипнула за бок и зло прошептала:

– Раб! Ты не имеешь права так смотреть на свою королеву! Сегодня я буду учить тебя смирению!

– Как хочу, так и буду делать, сучка! – не сдержался я, добавив подслушанное у старших ребят ругательство.

Ну и получил по полной программе, как только мы остались вчетвером в моей комнате. Теперь нам и на чердаке можно было не прятаться и даже шуметь сколько влезет. Назар спал крепко, слышал плохо, и в наши комнаты вообще никогда не заглядывал. И если бабушку Марфу или родителей Машка и лисички сильно побаивались, то к добрейшему двоюродному деду относились в плане потенциальной угрозы как к пустому месту. Вот так для меня начался очередной круг издевательств и сексуального унижения.

Не могу сказать, что все уж так не нравилось в наших игрищах. Нравилось. Мне этого хотелось. Это было жутко интересно и познавательно. Но если уж быть до конца откровенным, хотелось какой-то гармонии, красоты, ласки и нежности. Я стремился к какой-то одухотворенности, сказочности, тянуло к спокойному и доброжелательному познанию, к равноправным отношениям в нашей маленькой компании. А получалось совершенно вопреки природе: я, пацан, ратовал за романтические и добрые спектакли, а девчонки насаждали садизм и издевательства. Хотя в отношении Верочки и Катеньки это утверждать не берусь. Скорее всего, и на них сказалось дурное, крайне негативное влияние нашей раздухарившейся королевы. Похоже, для близняшек наша лидер стала настолько авторитарной, харизматичной и образцовой, что они слегка тронулись в этом отношении психически. Доходило до того, что Машка себе позволяла их шлепать, бить, пинать и заставлять вытворять что угодно, а они на нее продолжали смотреть с восторгом, преданностью и любовью. Одного шага не хватало до падения на колени и возношения молитв. Благо что мы об этом не знали и воспитывались в полном атеизме. И даже порой, сильно побитые и плачущие, они моментально превращались в цепных псов и накидывались на меня, достаточно было только пальчику королевы указать в мою сторону.

С одной Марией я бы, конечно, справился, но против трех у меня не было ни малейших шансов. И они с каждым днем все с большей наглостью пользовались собственной безнаказанностью. И если бы только это омрачало мою жизнь.

Осень, зима и весна прошли для меня в недовольстве собственным телом: я подрос всего на один-единственный сантиметр, зато набрал в весе девять килограммов. Продолжая оставаться подвижным и вертким, я в то же время стал превращаться в несколько скособоченного, неприятно выглядящего мальчугана. Ко всему прочему и в лице моем стали проявляться странные черты не то чтобы уродливости, но весьма неприятного, отталкивающего свойства. Я стал замечать, что при виде меня все больше и больше людей напрягались, откровенно кривились и старались как можно скорее избавиться от моего общества. Меня это в душе ранило невероятно.

Понятно, что все мои старые знакомые, а тем более родные и близкие по инерции видели во мне все прежнее и легко узнаваемое, но вот восприятие со стороны посторонних людей менялось однозначно в худшую сторону. Скорее всего, именно по этой причине у меня не появилось ни одного нового друга или товарища. Со мной вообще к лету перестали общаться все одноклассники и ребята из других классов. Мало того, начались странные попытки меня обидеть,

поколотить или как-то унизить. Вроде бы и незаметно, но отношение ко мне стало превалировать как к ущербному, покалеченному или недоразвитому. А уж в детской среде сверстники, как правило, становятся очень жестокими и циничными, как только речь заходит о неполноценных или неприятных на вид детях.

И когда мне пошел тринадцатый год, я на собственной шкуре стал испытывать весь гнет моей произвольной уродливости. Я стал самым маленьким, самым слабым, непропорционально растолстевшим и с физическими недостатками на лице. И, несмотря на отличную учебу, в моем классе мне оставалось только парочку шагов сделать, чтобы превратиться во всеобщего изгоя.

Вот тут раскрылась и другая сторона моей крепкой, неразрывной дружбы с девочками. Они так рьяно встали на мою защиту, что в течение четвертой четверти все нападки, оскорбления и насмешки в мою сторону прекратились полностью. Причем и Машке, и близняшкам пришлось ради моей защиты развязать целую войну. И не простую войну, а страшную и жестокую. На каждое плохое слово в мою сторону они отвечали сотней слов. Да еще и таких, что любой хулиган предпочитал забыть обо мне и о моих подружках до конца жизни, чем еще раз быть осмеянным. Ну а если все-таки распускал руки и начинал кичиться силой да бойцовскими качествами, то его победа оказывалась временной, а чаще всего пирровой. Физическое совершенство ему не давало малейшего преимущества там, где за дело бралась Машка. Наша королева в выборе средств щепетильностью не страдала. Зная суть межличностных отношений между мальчиками и девочками лучше многих старшеклассников, она могла так опозорить и унизить объект своей ненависти, что те переходили в другие школы. Или могла легко натравить врагов друг на друга. Вплоть до того, что мило целовалась с парнями постарше. Моим обидчикам, а также тем, кто ссорился с моими защитницами, все равно доставалось втройне.

Так что войну мы выиграли. Вернее, выиграли мои подружки.

Но! Произошло парадоксальное явление! А может, и нет? Может, все вполне логично и закономерно? Но с тех пор я попал в еще большее, можно сказать, окончательное рабство. Жалкие крохи свободы рассыпались полностью под ударами действительности. Моя зависимость от подружек стала полной и бесповоротной. Они за меня сражались и победили. Но теперь я уже стал им принадлежать как вещь. Кажется, именно тогда и стали проскальзывать в обращении ко мне с их стороны такие обидные прозвища, как Подошва, Пончик

и Каблук. И я ничего не мог этому противопоставить. Ведь если до «войны» за Борьку Ивлаева я еще пытался порой что-то менять и чему-то сопротивляться в наших играх, то после окончательной победы, когда мы на летние каникулы приехали в нашу Лаповку, я даже мечтать о свободе почти перестал. Подружки прижали меня окончательно. Тем более что физически к тому времени даже любая из близняшек стала гораздо сильнее меня. Не говоря уже про Машку, начавшую невероятно интенсивно заниматься как вообще спортом, так и всеми видами единоборств в частности. А что может быть обиднее для мальчика, когда его сверстница-девочка в любой драчке легко нанесет ему поражение? Хуже бывает лишь в случае, когда он сам, по собственной глупости начинает эту драчку. Поэтому я старался все меньше спорить, почти перестал возражать, а уж тем более прекратил бунтовать. Исключения случались только во время навязанной мне роли «бунтующий раб».

Да уж, без горестного вздоха о таком не вспомнишь.

Но зато именно на летних каникулах, на тринадцатом году нашей жизни мы впервые соприкоснулись с тайной. Причем не просто с чем-то эфемерным и малозначительным, а с великой, непостижимой и жутко притягательной тайной. И с той самой поры нас помимо интимных игр, крепкой дружбы и единой фамилии связало еще и секретное расследование. А попытки раскрыть эту самую тайну и привели к тому, что наша жизнь превратилась в череду сплошных трагических приключений.

Началось все буднично и однообразно. Проснувшись теплым июньским утром раньше всех, я, написав короткую отвлекающую записку, попытался спрятаться от девчонок на чердаке и предаться своему любимому увлечению: составлению из горы деталей действующего в моих фантазиях устройства. Понятно, что дед Назар к тому времени уже давно копошился по хозяйству, но даже приготовленный им и оставленный для нас на столе горницы завтрак не соблазнил меня спуститься вниз и перекусить.

Следующей после меня проснулась стервозная Машка. Она тоже, как и я, имела свою персональную комнату и поэтому позволяла себе частенько просто поваляться в кровати, лениво потягиваясь и впадая в дрему. Но если она уже вставала, то спать из нас никто не имел морального права. Вот и тогда она закричала на весь дом:

– Борька! Лисички! А ну бегом ко мне!

Еще и в стенку пяткой стала колотить, подгоняя спящих в соседней комнате близняшек. Судя по их довольному и счастливому визгу, Вера с Катей примчались и бросились в кровать к своей королеве сразу же. И на какое-то время все трио притихло, видимо лисички исполняли очередные прихоти нашего лидера. Я уже и обрадоваться успел, что обо мне забыли и оставят в покое хотя бы до обеда, но вздрогнул от нового истерического вопля:

– Борька! Я долго буду тебя ждать?!

Паяльник выпал у меня из рук, и тело уже предательски устремилось на этот гневный зов, когда остатки силы воли и духа противоречия все-таки заставили меня замереть на месте.

«Не пойду! Тем более что сразу не пошел. – В душу стало заползать нехорошее предчувствие. – Эта сучка еще больше рассердится, что сразу не явился. И вообще! Они ведь поверят записке! Ха-ха! И пусть поищут меня в скалах! Вот будет здорово!»

Не поверили. Вернее, Мария сразу что-то заподозрила и стала обыскивать все хозяйство с криками выжившей из ума старухи:

– Он точно от нас прячется! Подошва, выходи по-хорошему! Не хочешь? Ну, погоди! Девочки, ищем его, быстро! Я осматриваю двор, ты, Катька, – сарай. Верка, глянь на чердаке!

Она, как всегда, близняшек перепутала, потому что наверх ко мне заглянула Катерина. Ее глаза округлились при виде меня, сжавшегося за столом и умоляюще прикладывающего указательный палец к губам:

– Ш-ш! Катенька, не выдавай! Пусть они еще поищут.

Зря я ее опознал, она, как обычно в таких случаях, разъярилась, а ее рот открылся до максимума, исторгая злорадный крик:

– Здесь он! На чердаке прячется!

– У-у, предательница! – только и промышал я в расстройстве, понимая, насколько мне сейчас придется несладко.

Топот ног в нашу сторону подтвердил мои опасения, и вскоре я уже отыгрывал сцену «подлый, взбунтовавшийся, но вовремя пойманный раб с помощью жутких мучений признает свои грехи и просит милосердного прощения». Следовало к этому титулу добавить и еще несколько фраз: «Причем просит долго, нудно и напрасно! Ибо милосердия ему не видать до конца дней своих, которые отныне сочтены однозначно!»

В самый разгар проводимых надо мной притворных издевательств, когда Машке оставалось совсем чуть-чуть до оргазма, в калитку, выводящую на улицу, громко замолотили колотушкой. Метнувшаяся к чердачному окошку Вера так и присела на месте от страха.

– Там участковый и двое военных! – зашипела она.

– Одеваться! – дала Машка команду, и мы облачились со скоростью бойцов спецназа в свои детские тряпочки и побежали за ней, выслушивая на ходу распоряжения: – Молчать и делать вид, что ничего не знаете, ничего не видели и ничего не понимаете! Если что, кивайте на меня, я им все растолкую!

В общем, во двор мы все равно выскочили словно зачумленные, явно виноватые и потерянные. Но кажется, неожиданные гости на наше состояние не обратили ни малейшего внимания. Участковый, солидный и грузный дядька, лишь досадливо скривился:

– Хе! Назар, как всегда, ничего не слышит. И из хлева не вылезает. Или, скорее всего, сейчас на дальнем лугу сено косит. А уж во время работы по сторонам он никогда не смотрит.

– Так давай хоть детей расспросим, – предложил один из военных. – Гляди, какие они шустрые и глазастые, наверняка если ничего не слышали, то уж точно что-то заметили. Правда, красавица?

Он добродушно заулыбался уже совершенно успокоившейся Марии, а нам троим, остановившимся на крыльце, приветливо махнул рукой.

– Да можно и спросить, – сомневался участковый, усиленно пытаюсь припомнить, кого он перед собой видит. – Ивлаева, небось? А звать-то как?

– Мария, дядя Петр, – степенно отвечала наша королева. – Что ль, не узнали?

– Ой, прости меня, Машенька! – оживился милиционер. – Я тебя совсем махонькой помню, а ты вон какой красавицей стала. Прямо невеста уже!

– Ой, дядя Петр, скажете тоже!

При этом она так артистично, мило и застенчиво зарделась, что даже у меня в душе родилась уверенность, что те глупости, которые мы вытворяли всего лишь минуту назад, происходили если и не с нами, то уж точно не с Машкой. От удивления и осоловелости я попытался сильно сморгнуть и замотать головой, приводя себя в чувство и возвращаясь к действительности.

Что привлекло ко мне внимание другого военного.

– А тот малый чего так головой трясет?

– Да вы на него внимания не обращайтесь, – с сердобольным вздохом посоветовала наша стервоза. – Братишка наш меньшой, и в детстве головкой часто ударялся, и вот давеча, совсем недавно опять со всего маху в стенку врезался. Стенке хоть бы что, а вот ему иногда больно.

Все три гостя не сдержались и загоготали, словно гуси. Но и про дело не забыли. Участковый прокашлялся и стал расспрашивать по сути:

– Вы тут Яшку когда в последний раз видели?

Общепризнанный деревенский дурачок Яшка на этот край забредал крайне редко. Лет тридцати, вечно пьяненький и в великоватом для него черном картузе, он давно являл собой единое целое с деревенским пейзажем. Безобидный, никого не трогал, кормился и спал у своей старшей сестры, а все остальное время чаще проводил возле селпо, стоически и жалобно выпрашивая стаканчик винца у заседающих там на завалинке деревенских мужиков. К слову говоря, того самого стаканчика ему и хватало на весь день полупьяного

существования. Никогда никому он не мешал, ни в какие неприятности не влезал, так что такой к нему повышенный интерес казенных людей удивил нашу Марию. Она пожала плечиками и мотнула головой:

– Дня три уже не видели.

– О! А когда в последний раз видели, куда он шел и что делал?

– Что делал? Да как всегда, пошатывался, – тщательно припоминала каждую деталь наша стервоза. – И песню себе под нос напевал. Сразу после обеда это было. Да, точно! И в лес он, вон туда отправился.

Все три гостя между собой переглянулись и печально кивнули головами. А мы замерли на крыльце, боясь вздохнуть: наша «старшенькая» очень много недоговаривала из событий трехдневной давности. Хотя мы еще не могли осознать, для чего она это делает.

– А что случилось-то, дядь Петр?

Участковый с некоторым сомнением почесал щетину на скуле, но глаза девочки смотрели на него с такой честностью и доверием, что он не смог не ответить:

– Да вот поди, три дня назад этот Яшка и пропал. А перед тем у сельпо пару часов распинался, что уходит в лес и больше никогда не вернется. Жаловался, что ему такая жизнь надоела, и он будет искать лучшей доли.

Машка с истинно бабьим испугом всплеснула ладошками:

– Да никак руки на себя наложил? Мог ведь и повеситься спьяну!

Опять участковый переглянулся с военными, и один из них тоже не выдержал требовательного тона сердобольной девочки и поспешил ее успокоить:

– Ну это вряд ли. Мы тут с нашими бойцами весь лес прочесали, все скалы облазили и все пещерки просмотрели. Ни слуху ни духу от вашего Яшки не осталось. А значит, либо слишком далеко отсюда забрался, либо... – Он сделал паузу и развел руками. – Либо его волки съели.

– Да сколько с тобой спорить? Какие тут у нас волки! – возмутился участковый, возобновляя наверняка старые споры. – Их еще до Второй мировой всех повывели.

– Где тогда пропажа? – завелся и второй военный. – Два дня – коту под хвост! Все рядовые над нами смеются: какого-то бухарика отыскать не можем. И был бы хоть кому нужен. Тьфу!

После чего все трое вежливо попрощались, решив не искать деда Назара, да и подались в центр деревни. А наша штатная «королева» тщательно заперла калитку и, строго стреляя своими глазками, завела нас всех в дом. Там уже Катерина не выдержала:

– А чего ты им всего не рассказала?

Вот тут и ей досталось. Правда, без рукоприкладства.

– Закрой рот, дурочка! И не открывай без моего приказа! Так вот, а теперь молчите и слушайте внимательно. Никто и никогда из вас не имеет права даже подумать о том, что вы видели или краем уха слышали три дня назад. Во-первых, вам никто не поверит и вас просто сдадут в дурдом! Согласны?

С такой глупостью соглашаться не хотелось, как и попадать в дурдом. Тем более что нашему лидеру мы верили безоговорочно. Поэтому оставалось только с пониманием кивнуть и слушать дальше.

– Во-вторых, нас могут обвинить в непредумышленном убийстве. И тогда посадят в тюрьму. Вы этого хотите?

В тюрьму мы не хотели еще больше, чем в дурдом, поэтому все трое отчаянно замотали головами. Машку это успокоило, и она, мечтательно прикрыв пушистыми ресницами свои глазки, подвела итог:

– А в-третьих, нам эта дырка и самим пригодится.

С того самого момента пять лет нашей последующей жизни прошли под сенью ее величества тайны.

Глава третья

Пропажа Якова

Про тот день и события вокруг Яшки следовало рассказать и обрисовать всю суть с максимальными подробностями. Потому что с того самого дня все началось.

Хотя инициатором и провидицей великой тайны стала именно Машка, каким-то нюхом предугадавшая первый поворот судьбы. Ибо как она догадалась заговорить, ублажить и вывести у деревенского дурачка то, в чем он и сам сомневался? Во все времена Яшку никто в упор не замечал: идет себе тень, да и ладно. Часть деревенского пейзажа, вечный страдалец и пьянчужка. Разве что сердобольные женщины порой дадут ему кусочек чего вкусенького да мужики под праздничное или хмельное настроение стаканчик к калитке вынесут.

Вот и три дня назад мы Яшку вначале не заметили. Как и раньше не замечали, когда он проходил. Мы – это я имею в виду себя и лисичек. Зато Машка сразу напряглась и забормотала вслух:

– Куда это он так разогнался? О как чешет! И трезвый, похоже. Даже не шатается.

Мы тоже повернули головы в сторону улицы, сообразили, кого видим, пожали равнодушно плечами и вернулись к нашему обеду, проходящему прямо на открытой веранде. Зато нашей королеве словно шило в одно место попало. Она вскочила с места, вихрем метнулась к калитке и голосом сердобольной матери обратилась к деревенскому дурачку:

– Добрый день, дядя Яков! Куда так спешите?

Пьянчужка замер на месте, явно растерянный и ошарашенный. Ведь к нему подобным образом, да еще с такой вежливостью, похоже, никогда в жизни не обращались. Как только не обзывали по простоте душевной и черствости людской. И просто «Яшка» в этом длинном списке считалось самым достойным

даже со стороны карапузов. А тут на тебе: «дядя», да еще и с полным именем. Поневоле тормоз сработает. А Машка еще и дальше удивлять продолжала:

– Вечно вы, дядя Яков, куда-то торопитесь. Совсем, видимо, заботы одолели?

Вот только после этого нам стали понятны предпосылки начавшегося разговора: наша лидер компании решила поиздеваться над взрослым человеком. Так сказать, в порядке инициации процесса и приобретения опыта. Кажется, такие мысли мелькнули в голове не только у меня, потому что близняшки хитро переглянулись и с вожделением стали хихикать. А замерший дурачок попытался улыбнуться и проямлить нечто утверждающее:

– Ну да, я как все. Работы хватает.

Хотя все в округе прекрасно знали: из полезных дел этот бездельник только грибы любил собирать, изредка ворочать вилами подсыхающее сено да частенько спать в летнее время в свежескошенных охапках травы.

– Ой, так ведь обед сейчас, работники кушают! – издевалась наша подружка. – А вы все в трудах да заботах.

Издевки в ее словах Яшка не заметил. Наоборот, приосанился и расправил плечи.

– Да, я такой.

Хотя даже мы понимали: от сельпо он сбежал лишь по той причине, что ему там или строго отказали в стаканчике дармовой выпивки, или вообще выгнали с глаз долой. И все это совпадало на двести процентов.

Но ведь наша старшенькая подружка хотела развлечений, и добиваться своего она умела.

– Дядя Яков, а вы стаканчиком винца угоститься не желаете? – Видя изумление, проступившее на лице даже такого любителя халявы, она с сияющими честностью глазами добавила: – Нам дед Назар целую бутылку оставил и разрешил потчевать любого односельчанина одним стаканчиком в честь его дня

рождения.

Пьяница замычал от тяжких мыслей, припоминая, в самом ли деле у глуховатого Назара сегодня праздник, ибо любые именины для него всегда тоже были радостным днем. Чтобы ложь сразу не раскрылась, Машка приглашающим жестом указала во двор:

– Заходите, дядя Яков, сейчас нальем. – И, оббежав сомневающегося в такой удаче гостя, поспешила к веранде первой. – Вера, принеси гостевую бутылочку из подвала. А ты, Катя, – стакан с кухни.

Пока лисички, чудом угаданные по именам, мотались за указанными вещами, мне тоже нашлась работа:

– Боренька, а ты сделай бутерброд.

Как я ее ненавидел за это слащаво-приторное, набившее мне оскомину обращение при взрослых! Столько тайного смысла, угрозы и стервозности вкладывала подружка порой в это ласкательное имя, что мне ее убить частенько хотелось.

Но я со вздохом лишь приступил к сооружению большого бутерброда. Пока проходили подготовительные мероприятия, разговор между тринадцатилетней соплячкой и тридцатилетним забулдыгой продолжался:

– За грибами в лес собрались аль за ягодами?

– Да, за ними... – Хотя корзинки при нем не было, лишь в левой руке у Яшки только и виднелся, что зажатый пальцами картуз. – Надоть собрать малость.

– А мы пока еще и грибников не видели. Неужели беляки пошли?

– Хе-хе! Грибники здесь в любое время ходят, – как-то неосознанно ответил гость. – Да и не в беляках дело.

Проследив за его взглядом, прикипевшим к устанавливаемой на стол бутылке, мы поняли, что пьяница теперь думает только о стаканчике вожделенного

винца. Но наша язвочка процесс наливания растянула по максимуму.

– А что же тогда грибники собирают, если грибов нет?

Яшка уже держался правой рукой за стакан и жадно сглатывал слюнки.

– Грибники тоже разные бывают.

– Просто гуляют?

– Ага! Шастают туда-сюда! Из дырки в дырку, словно крысы возле сельпо. Да ты наливай, малая, не тяни!

– Только вы, дядя Яков, нас не выдавайте, что мы вам налили, – просила Машка, хитро подмаргивая нам и наполняя граненую посуду доверху. – Может, дед Назар вас и не имел в виду, когда всех угощать разрешил.

– Имел, конечно имел, – дрожащим голосом прохрипел дурачок. – Мы с ним старые друзья. Он тоже грибника не раз видел.

К тому моменту его дрожащая рука поднесла стакан к губам, и выпяченный кадык резко заходил от дерганных, громких глотков. Смотреть на такое питье было не просто неинтересно, а даже противно. Мне по крайней мере. Потому что мои подружки наблюдали за этим действием с нездоровым интересом. Кажется, они уже заранее упивались зрелищем жутко пьяного, ничего не соображающего и ползущего по дороге мужчины.

Вино у нас было отличное. А так как в нашей семье из родителей его почти никто не пивал, то запасов скопилось изрядно и вряд ли дед Назар заметит исчезновение даже десятка бутылок. Высокое качество даже Яшка оценил. Прикрыл глаза и, причмокивая, похвалил:

– Благодарь!

А когда открыл глаза вновь, в них уже плескался океан удовольствия с морями безумия и любви ко всему миру.

– Хорошо-то как! Дай бог здоровья дядьке Назару и вам, милые детишки!

– Бога нет, – вырвалось у меня. – А вот закусывать надо!

Я чуть ли не насильно вынул у него из руки пустой стакан и вложил в него бутерброд.

– Боренька, – сразу послышался стервозный, полный скрытой угрозы голосок, – мы и без тебя разберемся. Не лезь к старшим, малыш, со своими нравоучениями.

Впервые при посторонних Машка обратилась ко мне так уничижительно. И пока я переводил дух от бешенства и глотал готовые вот-вот сорваться слова бунта, за меня неожиданно вступился деревенский дурачок. Причем голос его странно окреп, а язык трепался как помело.

– Не ругай его, деточка. Может, он и прав по поводу Бога. Потому как иначе за бога придется считать любого грибника. Ха! А то и меня самого! Я ведь тоже знаю, как пролезть в дырку.

– А мы вообще в любую дырку пролезть можем! – похвасталась Катька.

– Потому что мы худенькие, – пояснила Верка.

– Дети вы еще, – заважничал пьяница, косясь на отодвинутую на дальний край стола бутылку. – Рано вам про такие вещи слушать, да и не про дырку в заборе я говорю.

– А про какую? – залебезила перед ним Машка. – Расскажите, дядя Яков! Нам так интересно.

– Еще чего! – буркнул Яшка. – Да так за мной вся деревня уйдет. А оно мне надо? Они и там станут пить и жрать, а мне даже стаканчика не нальют. Сволочи!

Хорошее и крепкое вино подействовало сразу на ослабленного выпивкой алкоголика. Его настроение менялось, как осенний ветер. Он теперь вспомнил наносимые ему ежедневно обиды и стал злым и раздраженным. Так что и дураку было понятно, что никакими своими секретами он с детьми делиться не

собирается. Но ведь для моих подружек в первую очередь важен сам процесс издевательств. Да и какие могут быть секреты у дурачка? Смешно даже нам слышать про какую-то дырку. Поэтому королева только продолжила свою коварную игру слов, кривляний и жеманства:

– Дядя Яков, но мы вот вас любим, уважаем. Даже... – Она сделала большие глаза и перешла на самый возможный в ее возрасте доверительный тон: – Если вы про нас никому не расскажете, мы вам еще винца нальем.

Это уже считалось в Лаповке аттракционом невиданной щедрости. Минут через пять Яшка бы и сам ушел к своей ближайшей лежке и преспокойно бы там валялся до самого утра. Об этом все знали и второй стакан никогда, ни при каких обстоятельствах не наливали. А тут, можно образно сказать, алкаш получил неожиданный удар под дых. От полученного предложения его рожа украсилась глупой улыбкой, а рука сама потянулась к стакану. Соображаловка, правда, еще осталась: заметив, что правая рука занята бутербродом, Яшка лихо водрузил свой незабвенный черный картуз на голову, перехватил закуску в левую руку, и только тогда пальцы правой сжали граненый сосуд.

– Наливай!

И вот когда он выпил второй стакан, то в течение следующих пяти минут его и прорвало. При всей своей скупости и тугодумии, деревенский дурачок кое-что умудрился заметить на околицах родной деревни. А именно: одного весьма странного грибника, который примерно раза два-три за лето ходил по окрестностям да раз, максимум два в остальные времена года. Чужак, но всегда одетый по сезону. Старый на лицо, но весьма крепкий телом. Молчаливый и ни разу ни с кем не заговоривший. Мало того, никто и никогда не мог похвастаться, что хоть раз лично встретил его на околице. А услышав парочку подобных утверждений из уст Яшки, лишь подняли его на смех и прогнали прочь.

Вот деревенский дурачок и обиделся на односельчан, вот потому никогда больше ни с кем на эту тему не заговаривал. И только второй стакан хорошего вина его расслабил в детской компании. Наверное, почувствовал себя равным по развитию с нами... Но наиболее странной деталью из его рассказа показалось утверждение, что странный грибник появляется возле деревни из одной дырки, а затем, пройдя большой отрезок по лесу к скалам, исчезает в другой дырке.

Пока мы втроем переваривали эту сказку, раскрыв рты, Машка продолжила свои эксперименты как по спаиванию, так и по вытягиванию дополнительных сведений. Она налила третий стакан и с придыханием спросила:

– Дядя Яков, а что за той дыркой?

Скорее всего, именно ее неопытность и предопределила дальнейший ход событий. Третья доза оказалась лишней во всех отношениях. Во-первых, гость перестал соображать и давать дальнейшие сведения. Только и прохрипел:

– Не знаю, что там. Не был! Но сейчас обязательно побываю!

А во-вторых, лишний стакан лишил алкоголика последнего чувства самосохранения. Так и сжимая в левой руке не надкушенный бутерброд, он резко развернулся и вихляющей походкой поспешил на улицу. А потом сразу повернул в сторону леса. Лидер нашей компании только и ждала этого момента.

– За ним! Выследим, куда он идет, и посмотрим на эту загадочную дырку.

Но только мы подошли к калитке, как со стороны хлева показался дед Назар и с самой сердечной улыбкой попросил:

– Детки! Помогите мне одну курицу поймать. Шустрая, змеюка, а мне вам на ужин бульон сварить надо.

Отказывать в подобной просьбе мы не имели ни морального, ни юридического права. Тем более что дед нас просил о подобном очень редко, баловал во всем остальном и никогда даже полусловом не вмешивался в наши детские дела, игрища и интересы. Мало того, Машка решила, что с просьбой мы справимся моментально. И уж пьяницу на заплетающихся ногах легко отыщем в лесу только по одному запаху. Далеко не уйдет. Именно эти слова прошептала нам наша королева и первой бросилась на ловлю строптивой курицы.

Времени мы и в самом деле много не потеряли. Но, как это всегда бывает в азарте погони и беготни, потерю лишней минуты не заметили. Потом минуту потеряли на маневр вокруг хлева, чтобы дед Назар не связал наше исчезновение с походом в лес без разрешения. И только тогда бросились по следу. Шли мы

грамотно, по двое с каждой стороны тропы, растянувшись широкой цепью и держа друг друга в поле видимости. Причем двигаться мы умели довольно неслышно, быстро и по оптимальной дороге. Благо что каждый кустик, ямку и овражек в окрестностях знали лично.

Да все без толку. Яшка словно сквозь землю провалился. Сколько мы его ни искали, как ни прочесывали местность, даже следа не нашли.

Понятно, несмотря на все наши детские фантазии и восторженное отношение к сказкам, реалии нашего мира нам не были чужды. И после бурного обсуждения пришли к единственно верным выводам, коих насчитывалось всего четыре.

Яшка затаился, когда заметил нас идущими по его следам, а потом вернулся в деревню.

Деревенский дурачок сразу повернул с тропы и отправился в сторону скальной гряды, хотя мы потом и там побывали.

Либо перешел на бег, что в его состоянии можно было исключить на девяносто девять процентов, оторвался от нас и теперь спит где-то в самом дальнем и дремучем участке леса.

Ну и последний вывод: дыра все-таки существует на самом деле. Просто мы ее не смогли отыскать. Яшка туда забрался, спрятался и теперь отсыпается. Как бы долго он там ни находился, все равно, когда проголодается, выберется, вернется в деревню, и мы его легко расспросим во второй раз уже проверенным способом. Тем более что Машка была уверенной на все сто процентов:

– Любой алкаш всегда возвращается на то место, где вкусил халяву. Так что будем ждать. Тем более что и так сумерки приближаются. – Она осмотрелась, приосанилась, входя в роль очередной повелительницы, и воскликнула: – Сегодня, мои верные амазонки, мы поймали коварного индейца из проклятого племени жабоедов, и чем быстрее мы выведаем все их военные тайны, тем безоговорочнее станет наша окончательная победа! Хватайте его и тащите на допрос!

Понятно, кто в тот вечер оказался подлым индейцем и кого кровожадная королева заковала в кандалы и облачила в ошейник. За исчезнувшего Яшку

отдаться пришлось мне.

Потом еще два дня пролетели в том же русле. Ну а потом пришел участковый с военными, и нам стало известно о пропаже деревенского дурачка. И сразу некоторые детали показались еще более таинственными и притягательными. Вот почему Машка так быстро, хитро и обманно спровадила троицу нежданных визитеров, затолкала нас в дом и выдала сакраментальную фразу:

– Нам эта дырка и самим пригодится.

И даже я, относящийся ко всем затеям, инициативам и начинаниям со стороны Машки с содроганием и боязнью, загорелся идеей отыскать нечто загадочное, проникнуть туда, а потом... Хм! А потом и остаться там вопреки всем и вдали от всех! В полном одиночестве, радости и покое!

Поэтому и принял участие в розыске, разведке, установлению засад и круглосуточному порой бдению не просто «из-под палки», а с самым большим, искренним энтузиазмом. Тем более что, находясь в лесу, я гораздо меньше в течение лета подвергался неприятным унижениям и все усиливающимся грубостям во время наших ролевых игр. Появился тайный, особо притягательный лично для меня смысл пребывания в Лаповке.

Увы! Ни единого подозрительного места, странной тропы, обрывающейся неизвестно куда, а уж тем более непосредственно загадочного Грибника мы в то лето не отыскивали и не встретили. Мало того, дед Назар тоже всеми силами отрекся от своих знаний о каком-то странном человеке, а спросить его напрямик, ссылаясь на слова пропавшего деревенского дурачка, мы не решились. Поэтому приняли утверждения «дяди Якова» за бред желающего опохмелиться алкоголика.

Но даже отсутствие каких-либо положительных результатов в нашем новом деле не расхолодило желания продолжать поиски дальше. Вся компания вознамерилась искать странную дырку до победного конца, разве что решили слегка изменить способы и стратегию. В последний день каникул состоялось заседание нашего штаба, в котором под председательством строптивой королевы единодушно решили переводить наши поиски на технические рельсы. Поэтому и мне в кои-то веки досталась кое-какая должность, называемая попросту – техник-электронщик. Мне вменялось в задачу создать, наладить,

купить или украсть нужные нам для долгосрочного применения приборы, видеокамеры, датчики движения и прочие технические новшества современного мира из арсенала Джеймса Бонда.

Не такая уж и простая задача, но и за нее я взялся с рвением и удивившей даже меня решимостью. Еще и сумел вырвать под шум дождя дополнительные льготы в виде частичного освобождения моего участия в спектаклях и максимальной помощи в виде материальных средств для решения технических, весьма дорогостоящих вопросов.

Глава четвертая

Преступные вехи

Трудно избежать того, что уже случилось. Да что там трудно, вы наверняка скажете: невозможно! Хм! Спорить, конечно, не берусь, но ведь вполне может существовать, например, машина времени: вернулся назад и все подправил. Такого не бывает? Ручаться никто не станет, потому как если кто и имеет такую машину времени, то сам себе втихаря ею пользуется, в ус не дует и над нами посмеивается. Ибо раз существуют иные чудеса, то почему бы и в собственную молодость не вернуться?

Но это я так, к слову. Потому что вернуться в прошлое у меня все равно не получится, исправить содеянное тоже, так что каяться и биться головой об стену поздно. Что случилось – то случилось. А если подумать, то я даже в те времена не представлял себе, как именно можно избежать совершенных нами преступлений, вернувшись на день-два назад в прошлое. Слишком уж все получалось predetermined, роковым и неизбежным.

Хотя вначале, после памятных летних каникул с пропажей Яшки, все у нас стало складываться довольно благополучно, морально правильно и технически совершенно. С первого же дня занятий в школе Машка, а за ней и Верка с Катериной подались на всевозможные курсы единоборств, контактного и бесконтактного боя, курсы по обучению владением холодным оружием. Причем набросились на новые для себя дисциплины с таким желанием, спортивной злостью и целеустремленностью, что практически весь сентябрь я их только и

видел что в школе. Даже на своих традиционных игрищах мы порезвились только раз или два.

Меня тоже вначале решили поднатаскать в ловкости и проворстве, выносливости и фехтовании, но в первые месяцы на это у девчонок не хватало времени.

Признаться, меня это сильно обрадовало и успокоило. Весь свой появившийся огромный резерв времени я употребил на обучение теории и на получение практических навыков в сложном деле осваивания, создания и отладки технических шпионских новшеств. В результате чего я к осенним каникулам в Кулибина или Билла Гейтса не превратился, но все-таки сделал заметный шаг вперед в своем техническом совершенстве. Предметом моей первой, вполне заслуженной гордости стал прибор, срабатывающий на движение существа крупнее средней собаки в пределах сорока метров, использующий для этого автономное питание в течение недели и дающий сигнал на постоянно действующий компьютер. Прибор, конечно, был бесцеремонно содран и скопирован с лучших отечественных и зарубежных образцов, но я ведь не собирался его патентовать. К тому же он легко собирался из того вороха деталей, который имелся в моем доме благодаря простому отношению к этому вопросу моего папаши.

Назвали мы прибор мигалкой и в первый же приезд в Лапу установили тройку над самыми потенциально перспективными перекрестками троп или лесных дорожек. Понятно, что за период коротких осенних каникул нам никто из вождеденных Грибников не попался, зато мы с десятков раз срывались по тревоге и мчались на место сигнала из-за многочисленных деревенских соседей, которые занимались заготовкой дров, сбором лечебной коры и поздних грибов с ягодами. Зато радовало, что мигалки работают отлично, комп распознает сигналы без труда, и если со временем окутать весь лес стройной системой просмотра, то нужные нам личности попадутся в наши сети быстро. А там и сами дырки отыщем.

Вторая четверть так и началась для меня в создании приборов, их усовершенствовании и доведении подаваемых сигналов до идеального. Постепенно и иная разведывательная техника открывала в теории свои основные секреты.

Подружки мои тоже постепенно отбросили все ненужное и второстепенное в спорте, оставив только самое действенное и необходимое. А именно: бросились с рвением изучать карате, ходить в полуподпольный клуб славянской парализующей самообороны (уж не знаю, как они на этот клуб вышли, потому что в Интернете я и полслова не нашел о подобных методиках боя, как и о самом клубе) ну и продолжили с максимальной интенсивностью заниматься фехтованием. Более сильная и напористая Мария выбрала себе рапиру, а Катерина с Верой – шпаги. Ну и, так сказать, для тайного домашнего задания девчонки выбрали для себя метание ножей и сюрикенов. Причем о последнем их увлечении знал только один человек в мире. Как и страдал – тоже. Потому что именно мне приходилось приносить им разбросанные по месту для тренировок смертельные изделия из стали, сооружать чучела с определенными свойствами, а порой и самому становиться объектом слишком уж рискованных и жестоких тренировок. Наверное, именно тогда у меня и стало вырабатываться второе уникальное свойство. Помимо умения отличать жутко похожих лисичек я научился интуитивно отодвигаться с того места, куда что-то летело. Не успевал еще нож сорваться с девичьей, как правило в тот момент дрогнувшей, ручки, как мое тело смещалось в нужную сторону, уходя от попадания.

Криков при этом хватало:

– А если бы я в другую сторону бросила?! Как раз под твой отход?!

Но чаще мои подружки пристыженно замолкали, рассматривая кусок звенящей стали в том месте, где я только что находился. Это касалось только близняшек. Потому что Машка промазывала крайне редко, да и после своих промахов лишь желчно улыбалась и угрожала:

– Если я постараюсь, тебя ничего не спасет.

Жутко мне не повезло и в навязчивом желании нашей королевы научить меня умению не только защищаться от ударов, уколов рапиры или шпаги, но и самому вполне грамотно и эффектно наносить контрудары. Для этого меня часами заставляли отрабатывать одни и те же связки движений, действия при уходах противника с атаки и наиболее коварные выпады. Мало того, все эти тренировочные действия Машка придумала проводить в комнате или во дворе при рассыпанных под ногами мячиках. Они сотнями валялись у меня под ногами, а порой и специально бросались мне под ступни, вырабатывая у меня удивительные навыки при интенсивных движениях. Плюс ко всему еще один

мячик я должен был на бегу подбивать ракеткой.

Как я в первые месяцы не поломал руки и ноги в падениях? До сих пор не пойму.

Я умирал в конце подобных тренировок и думал, что уже никогда не встану. Но уже через час меня гоняли снова, не делая никаких скидок ни на ущербность, ни на инвалидность. Может, это меня и спасало не раз в будущем, но в те часы тренировок я проклинал Машку и лисичек, готов был их убить и даже делал несколько произвольных попыток для этого. Благо что они все-таки были гораздо лучшими фехтовальщицами, чем я, и умудрялись отбить смертельные удары.

Да еще и смеялись при этом над моими напрасными потугами.

Вот так мы и жили.

По существу, чуть ли не два года нашей жизни прошли довольно однообразно.

Девчонки совершенствовались в воинском искусстве, я поднимался по лестнице мастерства электронщика, программиста и создателя следящих систем.

Во время каждой поездки в Лаповку мы настойчиво искали Грибника и дырку.

После команды со стороны Машки мы собирались в любом удобном месте и продолжали наши затянувшиеся детские и давно переросшие в откровенно взрослые игрища. Разве что заповеди оставить девчонок девственницами для их мужей соблюдали со всей святостью и последовательностью.

Учились на твердое «хорошо», местами даже на «отлично».

В школе нас не трогали, родители в нас верили и совершенно не беспокоились.

А потом нам стукнуло по пятнадцать лет. И в нашу жизнь вошла череда неприятностей, крайне негативных последствий и целая череда преступлений.

Началось все с того, что всех ребят из нашего класса забрали на призывной пункт, где мы и прошли первые, так сказать, предвоенные сборы. И там меня

комиссовали окончательно и по полной программе. Вам может показаться это смешным, но я просто мечтал отправиться на обязательную воинскую службу. Желательно в морской флот. Причем руководствовался при этом весьма здравыми рассуждениями: ведь не обязательно солдату носить на своей спине здоровенный миномет или пулемет! А моряку не обязательно ворочать огромным веслом! Для такого, как я, хватит с лихвой дел как по управлению транспортом, так и входящей во все сферы жизни компьютерной техникой.

Не сложилось. Почесав головы, генералы живенько выписали мне военный билет с провокационной записью «К службе негоден!» и вытолкали взащей на улицу. Наверняка им приятнее было командовать стройными и подтянутыми орлами, которые басом рывкали дружное приветствие и которых можно было движением длани или произнесенным словом послать куда угодно, хоть на смерть, хоть на подвиг. Моя тщедушная, низкорослая и перекошенная фигурка в общем строю сразу вызывала зубовой скрежет офицеров и ну никак не ассоциировалась с подвигами и бравыми приветствиями. Вот так наша армия и флот лишились одного из самых дисциплинированных и технически грамотных специалистов.

А я расстроился настолько, что в школу не вернулся, где только девочки продолжали учебу в тот день, а, усевшись на скамейке в скверике, недалеко от своего дома, стал думать думу горькую о несчастной судьбинushке. Потому что в тот момент я осознал окончательно: с таким телесным уродством мне в жизни ничего не светит. Моя внешность оттолкнет от меня любого нанимателя, никакой директор или менеджер не станет меня выслушивать. У меня не появится ни одного настоящего друга. И меня, как это ни прискорбно осознавать, не полюбит ни одна девушка. Мечты о красавице жене и идеальной, многодетной семье треснули, превратились в прах в момент удара моего позвоночника о тот злополучный ледовый нарост. Да, я всегда мечтал иметь много детей, путешествовать с ними по всему миру и правильно воспитывать. Особенно в смысле «правильно». Уж я-то вкладывал в это слово совершенно иные ценности и моральные правила. Уж я бы не допустил того, что произошло у меня с моими тремя подругами. Я бы...

Помню, в тот момент меня вдруг в который раз удивила мысль, что все-таки именно эти три человека, которые надо мной больше всех издеваются, считаются моими друзьями. И это притом, что я на фоне расцветающих, взрослеющих прямо на глазах красавиц оставался истинным недоразумением: страшненьким, вызывающим жалость и отвращение человечешкой. При посторонних они всегда держались со мной приветливо, дружественно,

уважительно и обходились без презрительных прозвищ или издевательств. Другой вопрос, что они вытворяли со мной, оставаясь наедине!

И все-таки, почему мои подружки, мои троюродные сестры не избавятся от меня? Я ведь для них однозначно – позор, мне ведь приходилось подслушивать разговоры как товарищей по классу, так и старшеклассников с учителями. Все в один голос удивлялись, чего это девочки со мной цацкаются и так жертвенно защищают во всех трениях или конфликтах.

Размышляя таким образом, я пришел к выводу, что, скорее всего, дело заключается в привычке, в некотором инстинкте. Потому что мне и в голову не приходило, что Машка при желании не сможет отыскать мне замену в разыгрываемых эротических спектаклях. Еще как отыщет! А лисички только с радостью и восторженным визгом встретят любое изменение в актерской труппе нашего балагана. А раз лидер компании этого не делает, значит, у нее и в самом деле выработалась на меня привычка, подспудное желание издеваться, измываться и обижать именно меня, Верку с Катькой и никого больше. Хорошо это или плохо? С одной стороны, плохо: я останусь рабом до самого конца жизни. Но с другой стороны, может быть еще хуже! Я с содроганием представил, что Машка выгоняет меня из своей компании и я становлюсь полностью свободен. Еще не так давно желанное, вожацкое слово мне вдруг показалось страшным и зловещим. Если я окажусь предоставлен самому себе, то... я больше никому не буду нужен!

Страшное и весьма противоречивое озарение! Но, сидя на холодной скамейке, среди деревьев с набухающими только-только почками, я вдруг вспотел от представленной картины: сам, свободный и страшно одинокий.

Вот тут я и увидел Марию. Она шла по тротуару, который вместе с узкой дорогой окаймлял этот сквер, и наверняка спешила домой за рапирой. Она у нее была какая-то уникальная, сделанная на заказ, и оставлять ее в зале фехтования подруга и думать не хотела. Тогда как лисички наверняка уже помчались на тренировку делать предварительную разминку.

Машка меня тоже заметила и даже приветливо махнула рукой. Потом присмотрелась издали, видимо, поняла мое горестное настроение, но сама подходить не стала, опаздывала. Поэтому лишь призывно махнула рукой. Такой жест мне был знаком отлично, и проигнорировать его мне даже в голову не пришло. Между нами оставалось метров двадцать, когда рядом с подругой

остановился джип одного печально известного в округе мордоворота.

Пользующийся кличкой Кубырьть бандит никогда и не скрывал своих связей с преступным миром, хвастался поголовно подкупленными милиционерами и считался главным беспредельщиком нашего района.

– Эй, милашка, садись, прокачу! – предложил он во весь голос, нисколько не стесняясь светлого дня и нескольких прохожих.

Машка попыталась не накалять обстановку.

– Мне родители не разрешают и всегда за мной с балкона следят, когда я со школы возвращаюсь.

– Ха! Так в машине твои губки не видны будут! – заржал Кубырьть. – У меня ведь стекла тонированные. Садись, не робей! Заодно и на шоколадку заработаешь.

– Только на одну? – Подруга немного растерялась и ответила явно не так, как следовало.

– На целый ящик!

– Да нет, спасибо. Мне нельзя шоколад. Заразный лишай от сладостей только больше разрастается.

Бандит напрягся, лоб его покрылся морщинами от раздумий и подозрений.

– Гонишь, малявка! Садись, я тебе говорю! Еще никто из твоих подружек не пожалел, что со мной прокатился. А те, кто пожалели, не раз слезами умылись.

Это была правда. Об издевательствах и жестокости Кубырьтя ходили целые легенды, и попасться к нему в руки опасались все симпатичные девочки. Наоборот, советовали лучше сразу согласиться, и он потом быстро отстает, податливые ему надоедают с первого раза. По большому счету, Машка могла вытворить что угодно и уже даже сделала первый шаг в сторону джипа. Но что она хотела, я так и не разобрался, меня самого словно переклинило. Я оттолкнул подругу в сторону, оказавшись всего в метре от машины, и захрипел в лицо быкообразного бандита:

– Ну ты, дядя! Только тронь ее хоть пальцем, так я тебя сразу в милицию сдам!

В ответ на это, казалось бы, неповоротливая туша выскочила из джипа с необычайным проворством, громадные руки схватили меня за ворот и правую ногу и с такой силой зашвырнули в кусты, что я пролетел метров десять, пока не зарылся носом в мягкую землю. Следом понесся хохот и угроза:

– Щенок! Если хочешь сам своими ручками копать могилку своим родителям, то можешь уже бежать в милицию!

Самое страшное, что мужскому смеху вторил голосок Марии. Потом и комментарии от нее слышались:

– Одноклассник, мнит себя защитником всех девочек.

– А-а... Но ты садишься в машину?

– С удовольствием. Но родители и в самом деле из окон смотрят, потом мне такой скандал закатят. Давай вечером, как стемнеет. Я скажу, будто к подруге пошла. Ну и сюда прибегу, вон на ту лавочку.

– А чё не в машину? – стал возмущаться Кубырь.

– Клаустрофобия у меня, – пояснила Мария, еще и разжевала: – Боязнь малых закрытых пространств, впадаю в истерику и обморок. Лучше уж на лавочке.

– Да ну?

– И ты это... про шоколадку не забудь.

– Ладно, тогда до вечера.

Довольно улыбающийся громила уселся в машину и помчался дальше, даже не оглянувшись в мою сторону. Тогда как Машка крикнула в мою сторону:

– Борька, ты как там, цел?

Мне удалось перевернуться к тому времени на бок, усестся и частично выплюнуть набившуюся в рот землю. Но никаких иных повреждений, кроме моральных и нравственных, я в себе не отыскал. Зато злость и бешенство прямо душили меня.

– Ты чего, и в самом деле пойдешь?!

– Пойду. Но только для того, чтобы ему отомстить за тебя. Поможешь?

Удивиться я не успел.

– Конечно!

– Тогда мчись в фехтовальный зал и попроси лисичек срочно лететь ко мне. Скажешь, я приказала. И сам приходи, что-нибудь придумаем.

Она ушла, а я, кое-как очистившись от земли, рванул к спортивному комплексу. Катерина прониклась ответственностью момента сразу, а вот ее близнец попыталась шутить:

– Что же ты, герой-рыцарь, сам нашу королеву не спас?

– Верка, – применил я свои умения к опознанию, – а что бы ты сделала на моем месте и в моем теле?

– Не знаю! – огрызнулась та, поворачиваясь к сестре с возмущением: – И как он только нас правильно отгадывает?

– Привык, наверное, – стала ехидничать Катька. – Да и каждый кусочек наших тел тысячи раз вылизал, потому и различает.

Ох, как мне хотелось за такие слова ей в глаз залепить! Но близняшки двигались только бегом, поэтому все мои силы уходили лишь на то, чтобы окончательно не отстать. На место сбора я прибежал мокрый от пота и полностью обессиленный, поэтому первые полчаса в составлении планов никакого участия не принимал.

Но когда наконец до меня дошло намечаемое действие, то схватился за голову и запричитал:

– Девчонки! Вы что сделать собираетесь?! Да за это вас в любом случае в тюрьму упекут! Законы надо знать! Мало того, еще и другие последствия просчитать надо. Ведь дружки Кубыря наши семьи под корень вырежут. С этих ублюдков станется! И вы себе представляете, во что в тюрьме превратитесь?

Машка резко взмахнула ладонью в мою сторону; когда я отпрянул, подставила подножку и, усевшись сверху, стала поучать:

– Если нас посадят, то вместе с тобой, потому что ты – уже соучастник. А чтобы нас не посадили, ты тоже должен все продумать до малейшей детали. Тем более что мы делаем благородное дело, и никакие угрозы разоблачения нас не остановят. Ты понял? А теперь вставай и принимайся за дело. Чтобы к часу «икс» мы все отрепетировали свои действия и могли действовать с закрытыми глазами. И предусмотреть заранее любой поворот событий.

– Но если у нас не получится? – Я выглядел растерянным и подавленным.

Ответ Машки меня в некотором смысле поразил:

– Значит, даром прожили свои пятнадцать лет. Тебе приятно осознавать, что ты полное ничтожество и не можешь ни себя, ни свою подругу защитить? Кстати, ты и в самом деле герой: ни один мужчина, кроме наших отцов, не бросился бы на мою защиту, а ты бросился. Значит, живешь не даром. А уж тебя мы втроем давно поклялись защищать собственной кровью. Не допустим, чтобы какой-то дятел швырял нашу собственность, словно бесчувственную куклу.

В этой пылкой речи подруга и польстить мне сумела, и безмерно унижить, напомнив о моем условном рабстве, но тем не менее я и в самом деле загорелся азартом отмщения. А юношеский максимализм помог задавить в сознании все страхи, опасения и сомнения об уголовной ответственности.

Вот так, впервые, мы все вчетвером стали преступниками.

Когда стали опускаться сумерки, джип Кубырьтя и в самом деле появился возле скверика. Причем бандит прибыл лично, и, скорее всего, просто присматривался к месту предстоящего грехопадения с малолеткой. Ну и понятно, что ничего подозрительного не заметил. Потому как полностью проигнорировал тройку детишек, которые в ярких демисезонных курточках вовсю играли в догонялки и прятки среди кустов и деревьев. Да постепенно и те пропали из поля зрения, а со стороны домов показалась фигурка так понравившейся мордовороту девушки. Он дождался, пока она пересекла дорогу, тротуар, углубилась между деревьев и уселась на оговоренную скамейку. И только после этого, так и не включая свет, завел свою машину, вырубил музыку и с наглой вульгарностью въехал прямо по газону в сквер. Да еще и на подъезде к лавочке включил фары дальнего света.

– Ой! Погаси свет, пожалуйста! – запричитала Мария, прикрывая лицо руками и съезживаясь на деревянных брусках скамейки. – Родители в окно увидят!

Скорее всего, бандит опасался не столько родителей, как иной шпаны, притаившейся в кустах. Опыта и у него самого в подобных делах хватало. Но сквер в это время всегда был пуст, да и фары бы сразу высветили любое подозрительное движение.

Наружное освещение Кубырьтя погасил, зато опять стал звать девчонку в машину:

– Тут ведь и тепло, и музыка играет, и шампанским тебя угощу самым сладким.

– Да ты никак холода боишься? – захихикала Машка. – Да и нельзя мне шампанского, сразу дома унюхают. И машина у тебя прокурена.

Казалось бы, все проходило нормально и подозрения вызывать не должно, но все-таки Кубырьтя не зря выходил из многочисленных переделок и драк без единой царапины, инстинкт самосохранения у него оказался на должном уровне. Так и не открывая дверцу, он через открытое окно выставил на капот два огромных бокала с шампанским и пригласил:

– Много пить не заставляю, но хоть пару глотков сделай. За знакомство, так сказать. Я с незнакомками сексом не занимаюсь.

– С удовольствием! – Девушка подошла к машине, кокетливо оперлась левым локтем на капот и взяла бокал правой ладошкой, облаченной в элегантную рукавичку. – Пара глотков мне не повредит.

– Точно! Как меня зовут, ты знаешь. А тебя?

– Все мои друзья зовут королевой! – промурлыкала Машка, стараясь, чтобы ее улыбка и в темноте хорошо просматривалась.

– Тогда за тебя, королева! – провозгласил тост бандит, поднимая бокал.

Девушка потянулась с бокалом к нему, но в последний момент была перехвачена опытной рукой за запястье. Обе емкости грохнулись о землю и разбились, после чего тон насильника стал совсем иным. Так и не выпуская руку своей жертвы, он стал притягивать ее к открытому окну с шипением:

– И все-таки мы с тобой побалуемся в машине! Удобства выбираю я, а не ты! А хоть разок пискнешь, так я тебе руку выломаю.

В следующий момент он опять на полную громкость включил динамики своего музыкального центра и хищно улыбнулся. Но это уже были последние действия в его жизни. Один за другим из темноты прилетели два ножа и вонзились в глаз и в горло.

Машка легко вырвала свою руку из обвисшей ладони и пошла совершенно в иную от нашего дома сторону. Не хватало нам, чтобы кто-нибудь впоследствии связал одинокую тень, бредущую от машины, именно с нашим местом жительства. И так уже произошло две неожиданности: Кубырь въехал на машине к самой лавочке и хотел заволочь жертву к себе чуть ли не через форточку. Но и эти гипотетические варианты мы сумели просчитать и обдумать, чтобы обезопасить себя. Даже отход с места засады произвели грамотно и незаметно.

Джип в неположенном месте, оглашая окрестности громкой музыкой, стоял чуть ли не до рассвета. Потому что мощного аккумулятора и на двое суток бы хватило. Любой поздний прохожий думал, что кто-то развлекается в машине. А дружки покойного тоже наверняка опознали джип издали, но побеспокоить не решились. Пока кто-то из жителей таки не звякнул куда следует и не вызвал

патрульную машину. И вот только тогда весь район залихорадило. Но изначально следствие повернуло не в ту сторону, да и слишком уж много врагов нажил за свою жизнь гнусный Кубырь.

Как следствие: акт мести мы совершили благополучно, нигде не засветились, и подозрения на нас не пало ни малейшего. Даже наоборот, смерть оголтелого, насаждающего беспредел бандита сыграла нашему району добрую службу. В том смысле добрую, что повлекла за собой такие крупные межклановые разборки, что в них потеряли свои никчемные жизни еще пять человек из криминогенного контингента. В том числе один продажный чин из милиции. Шум и скандал поднялся огромный, многих посадили, многих сместили или убрали, зато в районе вокруг скверика стало намного светлее, мирно, уютно и спокойно.

И все это – в течение одного месяца.

А потом настал конец мая, когда мы совершили второе убийство, на этот раз сразу двоих человек. Причем совершили настолько жестоко, цинично и кроважально, что мне более года потом снились кошмары на эту тему. Но с другой стороны, и во втором случае мы были в своем праве так поступить, потому что опять мстили. Только теперь мстили не за саму попытку насилия или за подлый пинок маленькому калеке, а за конкретные противоправные действия.

Началось все с того, что после одного из экзаменов выходящие из школы Вера с Катей попались на глаза одному из местных нуворишей. В бандитских делах он замешан вроде не был, наглостью или хамством особым не выделялся, но вот зато извращенцем в определенном кругу считался отъявленным. А если учитывать, что в тот круг входили такие же людишки, как он, и несколько сутенеров, то и прозвище Щедрый – говорило о многом. То есть нувориш себе не отказывал ни в одной сексуальной прихоти. А по стечению обстоятельств совсем недавно побывал в одной кровати с парочкой проституток-двойняшек. Акт ему очень понравился, но при своей избалованности он всегда предпочитал наиболее молоденьких девочек. А тут две пятнадцатилетние красавицы, похожие между собой словно две капли воды. Вот он слюни от предвкушения и распустил.

Проследив за ними, Щедрый выяснил, где мои подруги проживают, сразу подался к обитающим в районе школы сутенерам и изложил им, что ему нужно. Еще и подкрепил все это весьма крупной суммой, засвидетельствовав данное

ему прозвище.

В сутенеров словно бес вселился, настолько они бесшабашно, нагло и беспардонно устремились за основной суммой. Уже на следующее утро Катю вместе с Верой выловили прямо в подъезде, усыпили, замотали в мешки и бросили в машину. Через час им уже предлагали сниматься в порнофильме, суля большие деньги, обещая славу, почет и уважение от самых крупных и богатых клиентов. Причем делали это, не показывая своих лиц за масками, в стандартном, приспособленном только для секса помещении.

Опять-таки, если бы не сам факт похищения, близняшки бы повели себя более разумно. Постарались якобы делать вид, что подумают, выказали бы ложную заинтересованность, поторговались бы, в конце концов. Ведь они считались очень хитрыми и умными. Вполне возможно, что их бы и отпустили, просто поснимав голенькими в некоторых эротических сценах. Потому как существовало мнение: достаточно вот так пару раз малолеток заснять на камеру, как те впоследствии, шантажируемые фильмами и фотографиями, быстро становились проститутками.

Но наших подружек понесло. Закусив удила и не обращая внимания на то, что связаны, они с бешенством стали плевать угрозами, обещать самые страшные кары и тут, и на том свете, и отказались вести любые переговоры. Вот тогда парочка циничных сутенеров решила изнасиловать малолеток, заснять все это на камеры и впоследствии все равно заставить работать как на себя, так и на проституцию в целом.

Изнасилование состоялось, фильм был снят. Еще и порадовались остающиеся в масках насильники, что им достались девственницы.

Затем жертвы были опять усыплены, тщательно приодеты и выброшены в одном укромном месте.

Первой пришла в себя Вера. Со слезами на глазах добудилась Катерину, и обе долго рыдали на плече друг у дружки. Потом поплелись домой, размышляя, что делать дальше. Но именно по пути Катенька и припомнила, что рассмотрела у одного из сутенеров наклку весьма запоминающегося орнамента. Точно такую же она видела у одного развеселого парня, который крутился возле девчонок выпускного класса. Кто он такой, догадаться было нетрудно, как и через тех

самых старшеклассниц выяснить имя и место проживания подонка.

Через час наша четверка уже провела первое заседание нашего боевого совета.

Через два – мы с Машкой уже знали имена и адрес сутенеров.

А на следующее утро, сказав родителям, что отправляемся первой электричкой в родную Лаповку, мы с рюкзаками отправились на дело. Трудно пришлось. Особенно при проникновении в двухуровневую квартиру, где спали или находились не просто два молодых парня, полных молодости, силы и боевой злости, а еще и целых три измотанные ночной работой проститутки. А помогла нам в проникновении еще одна проститутка, которая покинула притон уже после рассвета, пробурчав на прощание закрывающей за ней дверь подруге:

– Спокойно тебе выспаться, Катя.

– И тебе не хворать, Любаня! – давя в себе зевоту, ответила оставшаяся в квартире.

Но как только лифт тронулся вниз, Машка метнулась к двери и тихо постучалась. Почти сразу же раздался все тот же недовольный голос:

– Кто там еще?

– Кать, это я, Любаня! – довольно удачно симитировала голос женщины Машка. – Сумочку забыла.

– Лахудра склерозная, – ворчала проститутка, открывая дверь.

Жестокости Машке всегда хватало. А тут изнасиловали ее подруг. Так что я больше всего боялся, что она сразу начнет убивать всех подряд. Но она действовала в первые минуты довольно расчетливо и хладнокровно. Метнувшись тенью вперед, она проскользнула в приоткрытую щель, вцепилась пальцами в горло проститутки, и в следующее мгновение та оказалась придавлена к полу, прижата сразу двумя телами и только на краткие моменты получала приток воздуха для короткого ответа.

– Сколько вас в квартире?

– Пятеро.

– Кто еще, кроме сутенеров?

– Девочки.

– Где именно?

– Вот в той комнате, спят.

Мы с Верой тем временем, двигаясь в мягких кроссовках, осматривали все коридоры и заглядывали во все помещения. Большинство из них использовались для одной-единственной установленной там кровати. Банальный публичный дом. Две женщины и в самом деле спали в одной из приличных комнат, тогда как оба сутенера оказались, к нашему счастью, изрядно пьяны и почти не ворочали языками. Сидя на кухне в клубах дыма, они со стаканами в руках что-то пьяно втолковывали друг другу о какой-то доле в каком-то гареме. Сопротивления набросившимся на них двойняшкам они не оказали ни малейшего. Тем более что те сразу оглушили своих насильников тяжеленными кистенями по затылку. Если бы подонки умерли в тот самый момент, это было бы для них счастьем. Потому что дальнейшая смерть им все равно была уже уготована, но она представлялась любому человеку намного кошмарнее и омерзительнее.

Вначале мы заперли проститутку в комнате, пригрозив, что при малейшем шуме пристрелим их и подожжем квартиру. Те притихли и сидели как мышки. Потом мы тщательно обыскали комнату для съемок и изъяли все собранные там видеоматериалы. Мне не составило большого труда моментально отыскать самые последние файлы, а потом и уничтожить малейшие упоминания о сегодняшних событиях. Конечно, существовал риск, что сутенеры за вечер и ночь куда-то переправили уже заснятые файлы, а то и продали падким на такие фильмы извращенцам. Но тут больше ничего мы сделать не могли, могли только надеяться, что обезопасить себя таким способом преступники не догадались. Да и спросить их перед казнью собирались.

Оба тела привязали за ноги к проемам больших окон, выходящих на городскую улицу. Закрыли кляпами рты и стали приводить в чувство. Очнулся только один,

но и этого Катерине хватило.

– Будешь смотреть, как мы отрезаем твоему дружку наследство, и отвечать на все наши вопросы.

Подонки попытались вначале ерепениться, даже крикнуть вознамерился. Но сразу захрипел слова о помиловании, когда увидел, как Вера недрогнувшей рукой отрезала у второго бесчувственного тела то, что и обещала. На любой вопрос синий от страха сутенер ответил со скоростью пулемета, подтвердив, что файлы никому не передавались, не продавались и не перепрыгивались. Также засветил имя и адрес Щедрого.

К тому времени я уже невероятными усилиями сдерживал позывы к рвоте и топтался в коридоре. Поэтому не видел, как близняшки добились и второго насильника, отрезали и ему предмет его прижизненной гордости, а потом подтянули за веревки к створу окна. Заготовленный заранее плакат тоже вывесили наружу:

«Мечь от имени всех изнасилованных женщин!»

Перед уходом Машка прошипела в дверь, за которой маялись в ожидании неизвестного проститутки:

– Ровно через пять минут выходите из комнаты и спускаетесь по лестнице. Лифт заминирован. Если войдете в комнаты – тоже смерть! Выйдете раньше – пристрелим. Время пошло.

Мы выбрались на соседнюю улицу без всяких проблем. Тщательно осмотрели себя на предмет капель крови или других следов, переодели кое-что запасное, имеющееся из одежды в рюкзаках, умылись и отправились домой. Там сказали, что на электричку опоздали и отправимся в Лаповку на следующий день, что не вызвало со стороны родителей ни малейшего подозрения: они считали нас взрослыми и самостоятельными и очень этим гордились. Потом родители ушли на работу, а мы целый день ловили в теленовостях, по радио и Интернету волны разгорающегося криминального скандала. Резонанс получился многократно больший, чем после смерти Кубурья, но если там, наоборот, пытались вначале спустить дело на тормозах подкупленные чиновники и братки по банде, то сейчас такой цунами поднялся, что весь город залихорадило.

Конечно, мы боялись. Еще как боялись. Буквально целый день сидели и вздрагивали от каждого шума на лестничной клетке. Но и тогда нам повезло: на каких-то малолеток не пало ни малейшего подозрения. Хотя, может, и не в одном везении дело, может, мы и в самом деле так все досконально продумали и так все блестяще исполнили в порыве нашей мести, что не оставили ни малейшего следа?

Сомневаюсь. Слишком уж грубо, можно сказать топорно, мы действовали. И мне кажется, произошло нечто удивительное: кто-то из очень высоковластьпредержащих просто чисто по-человечески подошел к свершившемуся кровавому преступлению. Раз казнь справедливая, то чего слишком рьяно искать исполнителей? Пусть гуляют на свободе! Да и остальным преступным элементам не раз придется задуматься, прежде чем пойти на такой шаг, как изнасилование или сутенерство. Вот и прикрыли дело казни сутенеров, сдав в архив и проведя следствие чисто фиктивно. Хотя я могу и ошибаться в своих выводах или предположениях.

Вот такие события и превратили нас в палачей. Хотя, как ни крути, палачей тоже принято считать убийцами. Но, как это ни странно, могу сказать, что мстить за себя нам очень понравилось, и по прошествии полугода мы уже совершенно без моральных колебаний или психической нервотрепки завалили одного злого и неумного хулигана из соседнего района. Рецидивист, пьяница и бузотер, он измывался как над соседями, так и над случайно попавшими в круг его деятельности посторонними людьми с улицы. Так, например, он разбил ветровое стекло на машине родителей близняшек, а потом еще и моего отца побил, когда тот пришел заступиться за своего кузена, объясниться и пригрозил подать в суд жалобу.

Дело стало принимать настолько нежелательный оборот и настолько неприятный оттенок в отношении нашей семьи, что после двухдневных дебатов и совещаний наша четверка решила вмешаться. Тем более что и алиби для родителей словно по заказу представились: те уехали на несколько дней в командировку в другой город.

С хулиганом мы разобрались по-хулигански: Машка встала перед ним, завлекая своими прелестями, а я подкрался сзади и ударил локтем по затылку. Потом столкнули труп головой вниз в канализационный люк. После чего все вздохнули с облегчением. Причем не только судьи, но и даже дружки рецидивиста: нет

человека – нет проблем. Только мой отец остался недоволен.

– Все-таки следовало этого ублюдка засадить в тюрьму! – восклицал он, когда разговор при застолье возвращался к этой теме. – А так повезло ему, раньше умер.

Ему поддакивали, совершенно не замечая, как дети с иронией усмеваются и не по-детски вздыхают. Мы стали решительными, беспощадными к нашим общим врагам, но, как это ни странно звучит, в нашем маленьком коллективе отношения остались прежние: одна королева, две великолепные амазонки и один бесправный, всегда унижаемый раб. Что вообще трудно укладывается в голове любого здравомыслящего человека. Видимо, мы оказались не совсем здравомыслящими, потому что продолжали ссориться, обижать друг друга и вести себя неправильно до безобразия.

В моей жизни в то время произошло единственное приятное событие. После казни сутенеров мы через несколько дней таки отправились в Лаповку, и вот там, в первые дни наших летних каникул, Машка вдруг заявила:

– Ничего не вижу плохого в том, чтобы быть девственницей и отдаться своему мужу в первую брачную ночь. Но с другой стороны, я и такой доли себе не желаю, какая вам досталась. – Она погладила по плечикам склонившиеся к ней фигурки близняшек. – Поэтому повелеваю! – Мы как раз репетировали очередной спектакль под названием «Сватовство соседнего принца», и наша королева чувствовала себя в своей роли: – Сегодня же состоится моя свадьба с уважаемым принцем! Готовьте свечи, банкет и музыку!

Катка с Веркой лишились дара речи. Вначале даже не поверили, что их лидер вдруг решила добровольно пройти дефлорацию. Да не просто с истинным кандидатом в мужья или хотя бы парнем, который ей сильно понравился. А с тем самым ничтожеством, ежедневным товарищем по детским играм, который всегда только и годился что на роль раба или, в лучшем случае, пленного рыцаря.

Но больше всего изумился я. О подобном празднике души, тела и вожделения я и мечтать не смел в самых смелых грезах и давно смирился с мыслью, что никогда не получу такого отрадного для каждого мужчины вознаграждения. Да еще с кем! С нашей королевой! С нашим харизматичным лидером! Первый час

подготовки я вообще считал предстоящий обряд плохой шуткой. Потом стал подозревать подругу в чем-то жутко коварном и страшном. Вплоть до того, что она мне отомстит страшным обрезанием за нарушение клятвы никогда не покушаться на ее девственность.

И только к концу третьего часа, когда при ароматических свечах и под легкую музыку мы возлегли на устеленную праздничными вышитыми простынями кровать, а близняшки поднесли нам по глотку красного, сделанного еще бабушкой Марфой, вина, я осознал и поверил в предстоящее чудо.

Правда, и тут попытался найти ответы на рвущиеся из меня вопросы.

– А ты не будешь потом об этом жалеть? – уже укладываясь на Марию, прошептал я. – Еще не поздно все остановить.

– Ваше высочество! – продолжая играть, удивилась подруга. – Вы отказываетесь на мне жениться?

– Нет... то есть... я не в смысле игры, – растерялся я, уже чисто бессознательно, инстинктивно готовый совершить намечающийся акт. – Но что с нами будет потом?

– Да что угодно, ваше высочество. Но сейчас мне ничего не жаль, и я не хочу пожалеть о своей глупости в будущем.

– Мне кажется, глупость мы совершаем именно сейчас, – шептал я срывающимся голосом, чувствуя, как моя плоть уже ощутимо вошла во влажное лоно, уперлась там во что-то и готова рваться дальше.

Машка резко задышала, впиваясь ноготками в мою кожу на спине, и попросила:

– Борька, не тяни! Ну сколько можно издеваться над своей королевой?

Пришлось и мне резко выдохнуть, а затем трепетно прикоснуться к ее губам со словами:

– Слушаюсь и повинуюсь, ваше величество!

В то мгновение и еще несколько последующих минут мне казалось, что все в этой жизни отныне изменится, выровняется, станет добрым, ясным и справедливым. Исчезнет боль, канут в Лету плохие слова и прозвища, мы забудем об унижениях, и я стану расти, как и прежде. Сдерживающие рядом дыхание Верочка с Катенькой перестанут нам завидовать, мы станем относиться друг к другу совершенно по-иному, и мы откроем наконец-то так давно скрываемую, вернее, разыскиваемую нами тайну.

Но увы, уже на следующий день все вернулось на круги своя. Машка мной помыкала с прежней капризностью и остервенением, близняшки готовы были меня грызть и пинать по малейшему намеку нашего лидера или движению ее пальчика, а остальные проблемы из нашей жизни так никуда и не делись: я оставался все таким же маленьким, уродливым и слабым. Меня окончательно перевели в ранг раба и с тех пор почти не вспоминали о сказочном и добром спектакле под названием «Сватовство прекрасного принца». Да и мне со временем стало казаться, что этот спектакль мне приснился в одном из нереальных, потусторонних снов. И никогда уже больше не повторится.

Так что оставалось только мечтательно вздыхать, вспоминать сладкие минуты неземного восторга да тянуть свою рабскую лямку. Потому что бунтовать и возмущаться своим бесправным положением стало поздно: любая из подружек теперь казалась многократно более сильной, умелой и сноровистой. При попытках воспротивиться меня сразу же скручивали бубликом или распинали крестиком и вытворяли все, что им заблагорассудится.

В общем, жить стало веселее и беззаботнее. Это если смотреть со стороны нашей королевы. Потому что переживать о своей девственности она отныне перестала и пользовалась обретенной свободой с крайним бесстыдством. Я очень мучился этим ее бесстыдством, приходили даже кошмарные мысли по поводу самоубийства. Ведь Машка пустилась во все тяжкие и стала вступать в сексуальную связь с посторонними парнями. Вернее, они все были посторонними для меня, тогда как со стороны подружек к ним сразу приклеивался фирменный ярлык «Очередная жертва» или «Опытный экспонат». И то, что при этом происходило, заставляло меня сотни раз проклинать в итоге подлых сутенеров. Потому что именно по их вине в нашей компании стали твориться сексуальные крайности, которые при наличии девственности просто не могли бы осуществиться. А в результате этих проклятий я утвердился в мысли: будь у меня еще раз возможность убить тех насильников – я бы сделал это повторно без малейшего колебания или зазрения совести.

Вот так, под воздействием внешних факторов, целого сонма случайностей и непредвиденных событий меняется кардинально человеческая психика.

Глава пятая

Близость тайны

Человек привыкает ко всему, поэтому моя жизнь, можно сказать, тоже вошла в устоявшуюся колею. И последние два года учебы при желании укладывались у меня в набор простых слов и действий: учился, раболепствовал, старался отыскать дырку и Грибника да изредка лечился. Изредка, потому что на свое болезненное состояние я не жаловался никому. Даже подругам. Даже когда меня испытывали об этом подробно и с пристрастием. Только и отвечал, что «отлично» или в худшем случае «нормально». Хотя позвоночник побаливал частенько, особенно когда со злости хватал гантели потяжелее и поднимал их вверх одной рукой. Что-то в пояснице перекашивалось, опасно поскрипывало и давало прострельную боль. Хорошо еще, что кратковременную.

На лечение, вернее, на нудные осмотры у разных медицинских светил меня периодически направляли сердобольные родители, которых не покидала надежда, что их искалеченное чадо все-таки изменится и станет как все остальные парни. Увы, все оставалось как и прежде, доктора наук ничего не могли поделать и лишь разводили руками, попутно объясняясь туманными медицинскими терминами. Даже несколько народных умельцев типа костоправов, травников и ведьм, как только ни изгалявшихся над моим телом, не поправили мое физическое уродство. То есть с этим пришлось смириться.

Как пришлось смириться с собственным раболепием в нашем маленьком коллективе. Хотя взрывы негодования, ненависти и протеста продолжали сотрясать мое маленькое тело, но выхода своим эмоциям я не давал. Разве что в редчайших исключениях. Потому что в ответ глумления возрастали в тройном количестве. Дешевле было презрительно улыбнуться и с деланным смирением исполнить любое требование все той же стервозы Машки, чем дать ей заметить собственные переживания. В противном случае она приходила в трепетную ярость и вкрадчиво начинала:

– Мой раб чем-то недоволен? – Затем переходила на истерический визг: – Так я сейчас выбью непозволительное недовольство у него из глупой башки!

Вот именно тогда я и научился делать хорошую мину, или, иначе сказать, счастливую рожицу, при плохой игре. Хотя, если честно признаться, лисичкам порой доставались еще более унижительные задания, чем мне. И я просто диву даюсь, как они не бунтовали против таких ролей. Как-нибудь позже припомню один из таких случаев.

Ну и оставалось у меня в жизни еще два наиважнейших дела: открытие тайны и учеба. Причем косвенно весьма между собой взаимосвязанные. Да и самое главное, что меня подвигло на учебу после пятнадцати лет, так это четкое осознание – ничего иного мне в жизни не светит. Если я хочу хоть какое-то мало-мальски престижное место занять в нашем обществе, придется вскарабкаться на это место только с помощью собственного ума, невероятного усердия и феноменальной настойчивости. Поэтому я постарался освоить курс скороотчтения, печатал сам на клавиатуре со скоростью профессиональной стенографистки, тренировал память по специальным методикам и каждую свободную минутку посвящал усвоению новых знаний. Что такое телевизор, радио или дискотека – я не понимал в принципе. Когда мельком замечал моих сверстников, сидящих вечерами на лавочке и тупо вслушивающихся в звуки музыки из своих наушников, меня захлестывала волна жалости об их бесцельно потраченном времени. Их молодость, самая активная в плане умственного развития, утекала, словно вода в песок, – безвозвратно и бесцельно. И если бы они хоть спортом занимались, туризмом или просто путешествиями, так нет! Часами сидели, словно петухи на насестах, как последние лохи подтрунивали друг над дружкой да покуривали, показывая, насколько они уже взрослые и самостоятельные.

В общем, учеба у меня пошла только на «отлично». От глупых олимпиад по математике, физике и химии, а также истории и географии я отрешивался руками и ногами, не хотелось бесцельно тратить время на доказательства, что я лучше всех в выбранной дисциплине. А то бы меня, наверное, однозначно записали в вундеркинды. О том, что я с каждым месяцем становлюсь новоявленным Кулибиным, я тоже не распинался в большом мире. Об этом знали только подружки, родители да самые близкие родственники. Результатом моих возросших умений стал удвоившийся поток деталей с места работы моего папаши да мои возросшие опасения, что его когда-нибудь все-таки посадят за разбазаривание народного, а к тому времени, как я понял, уже ничейного имущества.

Но отец в ответ только посмеивался:

– Ты бы видел, что и сколько воруют другие! А я и в самом деле беру только то, что идет в отходы.

После чего я сильно зауважал папино место работы, потому что в моем представлении и из таких «отходов» можно было строить космические ракеты или радиоуправляемые истребители. Зато и я в своих изысканиях и создании экспериментальных моделей имел все, что только душа возжелает. А это в итоге давало весьма неплохие шансы приблизиться к раскрытию основной тайны нашей Лаповки.

Тем более что в этом направлении нам удалось сделать один огромный, можно сказать, основополагающий сдвиг, после которого приунывшие и немного разочарованные долгими, безрезультатными поисками подруги вновь воспарили духом и запылали неугасимым энтузиазмом.

Случилось это в августе месяце, когда нам шел шестнадцатый год и мы, как обычно, находились в родной деревне. Мигалками к тому времени я обставил лес довольно плотно, срабатывали они в сухую погоду преотлично, так что две пары из нашей компании по очереди только и делали, что мотались в подозрительные места и осматривали блуждающих там людей. Понятно, что все они после осмотра оказывались вне подозрений, а если и были единичные случаи повышенной заинтересованности, то и они растворялись после небольшой слежки.

Пары, естественно, составляла наша королева. Причем в большинстве случаев лисички, равные по силе и выносливости, бегали вместе, а я с большим опозданием и позором нагонял Машку уже тогда, когда она возвращалась мне навстречу. Понятно, что угроза наказания следовала сразу:

– Тебя только за смертью посылать! Сейчас ты у меня получишь, раб!

А само наказание торопилось пасть на мою голову сразу после возвращения «на базу». Причем скрытое место для наших игрищ теперь не слишком-то и выискивалось, наша стервочка зажимала меня в первом же удобном углу и начинала измываться, поочередно подзывая для усиления эмоций то Верку, то Катьку. Спасался я только иногда, пользуясь привилегиями штатного техника и

убегая в лес для наладки какой-нибудь мигалки или заседаая возле экранов для согласования всей нашей сети.

Именно находясь возле компов, я и засек полученный сигнал от одной из мигалок, и бросился к чердачному окну:

– Сработал датчик восьмого квадрата!

Тут же раздался голос Машки:

– Амазонки – вперед!

Хоть к тому времени все уже и разочаровались в бесплодных пробежках по лесу, но когда королева так обращалась к близняшкам, те готовы были бегать сутками без остановок. Вот и сейчас, не успел я спуститься вниз, как их кроссовки только и мелькнули на опушке леса.

– Чего спустился, Подошва? – окрысилась на меня наш лидер, пребывающая явно в плохом настроении. – Я тебя не звала.

Пришлось входить в роль:

– Соображения генерала Ивлаева для ее величества!

– Надо же! – картинно всплеснула руками «ее величество». – С каких это пор счетовод-рядовой стал генералом?

– Уже два года, как подписан приказ о моем назначении.

– Ха! И где этот приказ?

– Валяется где-то.

– Хочу видеть его немедленно!

– Машка, кончай дурачиться. – Порой мне этот цирк надоедал, тем более в тот момент, когда следовало говорить по делу. – Восьмой квадрат – совсем неправильный.

– Будешь наказан, раб!

– С удовольствием, но чуть позже.

Машка всегда успокаивалась, когда я не проявлял строптивости.

– А что там не так?

– Это хоть и близко, но место там такое, что и троп нет. Помнишь, я вообще там мигалку ставить не хотел, потому что никто там и не ходит почти?

– Помню. Как и то, что это я настояла на установке прибора именно там. И овраг там непроходимый, и деревья толстые, и орешник густой.

– Вот именно этот орешник нам и мешает, – пытался втолковать я. – Как только ветер, ветки мотаются, прибор срабатывает, и все пять тревог на то место оказались ложными.

– И?.. – продолжала тупить наша королева.

– А сейчас ветра нет. И время совсем не то для празднующихся сельчан.

– Ага! Значит, там кто-то посторонний?

– Утверждать не берусь, но, может, и мы туда сбегает?

– Так что же ты сразу не сказал?! – рассердилась Машка, вскакивая с плетеного кресла.

Я уже легкой трусцой двигался в сторону калитки, поэтому старался беречь дыхание.

– Как же можно без доклада к твоему величеству?

Пробегаю мимо меня, подруга больно наподдала мне ладошкой пониже спины и пригрозила:

– За дерзость и хамство получишь после возвращения тройную порцию наказаний!

Понятно, что к основным событиям опоздали, а как позже выяснилось – нам в этом повезло. А все происходило так.

Вера взяла намного правее, а Катя вошла в обозначенный квадрат номер восемь левее. Потому что напрямик им мешал пройти тот самый неудобный овраг. Потерять друг друга девочки нисколько не боялись, умея имитировать крики как дневных, так и ночных птиц, а в скором будущем я вообще обещал соорудить мобильные переговорные устройства. Но и без техники пока справлялись преотлично.

Но вот впервые за нашу историю Вера услышала от сестры отрепетированный сигнал, обозначающий только одно: «Я его вижу!» Понятно, кого именно! Старшая из двойняшек замерла на тропе и некоторое время тщательно прислушивалась и присматривалась к округе. А потом забеспокоилась: второго сигнала «Иду по следу» не раздалось. Следовательно, Катя могла либо затаиться от близкого соседства с неизвестным, либо ведет его в эту сторону. В любом случае прятаться не стоило и оставаться на месте тоже. Поэтому Вера пошла навстречу. Все-таки они не во вражеском тылу, опасаться нечего, и встречи пусть даже неизвестно с кем наша бравая амазонка совершенно не опасалась. И ножи метательные при ней имелись, и приемам она к тому времени таким обучилась, что и с парой насильников могла справиться.

Шла медленно, осторожно и была весьма ошеломлена, когда неизвестный мужчина появился вдруг из леса с левой стороны, вышел на тропу и с невероятным удивлением уставился на девушку. Что он там делал в кустах, мы так и не могли додуматься, хотя потом облазили и ощупали в той стороне каждый квадратный сантиметр. По нужде ходить – смысла не было, да и следов не осталось. Что-то прятал или забрал, скорее последнее: потому что даже с миноискателем мы ничего не нашли.

Сам мужик смотрелся очень импозантно. Не в смысле одежды, конечно, этим он нисколько не отличался от тысяч грибников данной географической полосы. И не в смысле плотной фигуры крепкого детины лет шестидесяти на вид. А вот лицо умеющую уже неплохо разбираться в людях Веру впечатляло. Аскетичное, словно из камня вытесанное. С легким загаром. Губы тонкие, чаще упрямо сжатые. Глаза с глубинной, весьма странной чернотой. Причем нормальных белков наша подруга так и не рассмотрела: прищуренные щелочки на нее смотрели пристально, а весь его вид выражал удивление. Да и вопрос с его губ сорвался с удивленными интонациями:

– Девочка! Я же тебе сказал идти домой! Что ты здесь делаешь?

Верка сразу сообразила, что ее, как всегда, перепутали с Катенькой, и со всей наигранной скромностью подтвердила:

– Иду домой.

– Странно! Кругами, что ли? Или заблудилась?

Наша подруга и тут сообразила, как выкрутиться:

– А там овраг. Я в него соскользнула нечаянно, и пришлось на эту сторону выбираться.

Подобный ответ Грибника удовлетворил.

– Ладно, милая, иди и на овраги не отвлекайся. – А сам двинулся, не оборачиваясь, по тропе в направлении скалистой гряды.

Вера сомневалась в своих действиях только одно мгновение, боязнь за сестру пересилила желание проследить за незнакомцем. Она догнала медленно бредущую Катерину уже за оврагом и сразу поразилась отсутствию привычной реакции на ее вопросы:

– Катька! Ты его видела? Почему он тебя домой послал? Чего ты молчишь как мешком пришибленная? Ну! Отвечай!

Сестра скользнула по ней равнодушным взглядом, обошла стороной и вновь целенаправленно двинулась к дому. Вот тут как раз и мы с Машкой примчались. И уже все вместе принялись приводить загипнотизированную подругу в чувство. Потому что иного повода для такой одурманенной прострации и придумать не могли. Вначале у нас ничего не получалось. Катя из рук не вырывалась, если ее останавливали, на наши вопросы и слова реагировала только ответами «Иду домой» и «Так надо». Но как только вновь обретала свободу, стремилась к дому. Даже истерические вопли нашей королевы на нее не подействовали. Ничего не оставалось делать, как сопроводить ее и посмотреть, что будет дальше.

Оказалось, весь смысл гипноза заключался в отправке неожиданного свидетеля домой и искоренении из его памяти непосредственного момента встречи в лесу. Потому что наша подруга, как только вступила на подворье, замерла на месте, осмотрелась кругом, нахмурилась и удивленно спросила:

– А почему мы здесь?

– А где мы должны быть? – ответила ей вопросом Вера.

– Ну... в лесу! Мы ведь с тобой туда побежали?..

– Ага! Но по разным сторонам оврага. Ты это помнишь?

Катерина прислушалась к себе, недовольно поморщилась и призналась:

– Помню только, как в лес вбегали.

– А Грибника? – уточняла вторая лисичка. – Такой большой, сердитый.

Она подробно описала внешность незнакомца, но ее сестра только озадаченно мотала головой, подтверждая, что отрезок в добрых пятнадцать минут жизни у нее полностью вылетел из сознания.

Мы не знали, что нам делать: радоваться или опасаться. С одной стороны, становилось понятным, почему про Грибника никто ничего не знает и ничего не помнит. Тот просто приказывал случайным свидетелям забывать о встрече с ним. Это наводило на размышления, что в случае слишком пристального к себе

внимания незнакомец может и более опасные меры воздействия применить. Как, возможно, и случилось в эпизоде с Яшкой. Ведь не факт, что они не столкнулись уже непосредственно в самой дырке и таинственный странник просто отпустил деревенского дурачка.

С другой стороны, мы все-таки удостоверились, пусть даже и косвенно, пусть даже и не на сто процентов, что некая тайна существует! Грибник – это не просто вымысел выжившего из ума алкоголика, а существующий объект, который можно зарегистрировать, увидеть, а то и пощупать. Оставалось теперь только этот объект разработать до конца.

Поэтому мы с приливом нового воодушевления рванулись на поиски следов. Понимали, конечно, что, скорее всего, ничего не отыщем, слишком много времени прошло, но зато посчитали себя обязанными довести сегодняшнее дело до конца.

Вначале прошли по всему возможному маршруту незнакомца. Разочарование нас постигло сразу: почти никаких следов ни в районе толстенных деревьев, где движущийся объект засекла мигалка под номером восемь, ни в районе скал, куда он отправился, мы не обнаружили. Только в том месте, где Вера столкнулась с Грибником на тропе, мы отыскивали несколько четких отпечатков обуви. Причем весьма малого для такого огромного мужчины размера: всего лишь тридцать девятого. Да и само место, как уже упоминалось, обыскали с невероятным тщанием.

И только когда стемнело, собрались в доме и устроили итоговое совещание по сегодняшнему дню. Спорили над картами и над планами долго, кричали сильно, и большое счастье, что дом наш стоял на отшибе, а дед Назар радовал своей глухотой. Иначе бы нас сто и один раз разоблачили.

Как всегда, основные тяготы технического перевооружения и довооружения легли на меня, потому как при окончательном подведении итогов Мария заявила категорически:

– Борька! На твоих плечах лежит теперь обеспечение нас всех переговорными устройствами, видеокамерами и сигнальными штучками в виде инфразвука. Помимо этого ты должен уже на осенних каникулах увеличить количество мигалок как в восьмом квадрате, так и установить достаточное количество

приборов вот здесь, возле скал. Теперь там будут квадраты с двадцать второго по двадцать пятый.

– Где я тебе столько наберу? – возмутился я. – И дело не только в деньгах, я физически не успею.

– Значит, мы будем помогать! – Лидер грозно взглянула на лисичек. – Все наши карманные деньги сдаем Боре. И ходим к нему на уроки. Пора уже и нам не только к оружию приобщаться, но и к «железу», как он называет разную компьютерную технику.

– Ох! Вы мне только мешать будете.

– Не спорь, Пончик! А то припомню отложенные для тебя наказания.

Вот на том наш спор августовской ночью и закончился. Хотя наказание королева мне так и не отменила. Только заметив, что я после беготни по лесу словно вареный, засыпаю прямо на ходу и реагирую с закрытыми глазами как на ласки, так и на издевательства, подруги меня оставили в покое, и я провалился в блаженный сон. Где-то мысленно даже радуясь, что мое тело такое слабое и так быстро устает.

Глава шестая

Техника и ревность

После возвращения в город на меня навалились две проблемы: техническая и моральная, связанная со вскипающей во мне ревностью. Но если с технической проблемой я еще кое-как справлялся, то вот с моральной поделаться ничего не получалось. А Машка, словно назло мне, все чаще и чаще заигрывала как со сверстниками, так и с более старшими ребятами. А с некоторыми из них занималась сексом. Один раз это чуть ли не на моих глазах произошло, после чего я бросился на подругу с кулаками и умудрился ей разбить губу.

Хоть я об этом поступке никогда не жалел, но ради собственного здоровья лучше бы я подобного рукоприкладства со своей стороны не допускал. Потом недели две я ходил весь в синяках и с ноющими от болей суставами. Подружки оторвались на мне по полной программе. Хотя после этого случая Машка избегала при мне как заниматься сексом, так и целоваться с другими парнями. Но мне-то от такой постановки вопроса легче не становилось! Только хуже. И настолько хуже, что вот как раз тогда и стали во мне зарождаться мысли о самоубийстве.

По следам нашей развратной королевы и следуя ее личному примеру, двинулись и наши brave амазонки. Как это ни покажется диким и вульгарным, но их я тоже ревновал. Хотя и не так яростно или с кровожадными намерениями растоптать, разорвать и уничтожить. Не знаю, что втемяшилось в мою слаборастущую голову, но я почему-то считал такое блудливое поведение страшным предательством с их стороны. Радел над их нравственностью, как истинная наседка, и даже уговаривал в том смысле, что им необходимо дожидаться для себя приличной пары, выйти благополучно замуж, а уж потом заниматься сексом, сколько и как им заблагорассудится.

Наверное, что-то в моих нравственных поучениях сильно смешило подружек. Потому что они в ответ хохотали как подорванные, потом переходили к ругани и оскорблениям, а потом принимались надо мной издеваться в привычной для нашей компании манере. Еще и приговаривали при этом, душа меня цепями и вытворяя самое постыдное:

– Значит, нам можно заниматься сексом только с мужьями?

– Да! – хрипел я.

– Может, ты еще и сам нам мужей станешь выбирать?

– Желательно, – раздавался мой хрип в ответ. – Я вас всяким отморозкам не отдам!

– Ух ты, какой добренький! А если ты нам до самой старости мужей не отыщешь?

– Отыщу!..

– Да?! А пока будешь их искать, то так и будешь нас использовать в сексуальном плане?

– Мне можно, я в мужьях не считаюсь! – вырывался я из-под кучи их напряженных тел. – К тому же это не я вас, а вы меня используете как хотите!

– Бунт! – вопила наша королева, чуть не отрывая мне при этом ухо. – Да ты, подлый Понч, покусился на сами устои нашего государства?!

Мне было больно, я задыхался, но таки делал последнюю попытку хоть как-то убедить в своей правоте:

– Не путайте политологию, ваше величество, с нашими ролевыми играми! Тем более что вы для меня самые близкие подруги, и я несу за вас самую большую моральную ответственность.

В ответ они еще громче смеялись, обзывали меня уродливым ханжой, а потом еще долго шуточно казнили всякими изуверскими, по их мнению, способами. Так что все мои потуги по поводу правильного воспитания и ограждения моих подруг от интимной близости с другими парнями никакой пользы не приносили.

Зато к концу предпоследнего нашего года обучения в школе я вывел для себя одну важную аксиому. За редким исключением, все партнеры как Машки, так и Веры с Катериной оставались только разовыми любовниками. На второй раз соглашались лишь те несколько «исключений», которые можно было пересчитать по пальцам одной руки. Как только у подружек доходило с парнями из цикла «Очередная жертва» или «Опытный экспонат» до дела, так после этого те исчезали из их жизни или на следующее утро, или в течение последующего часа. Причем в подавляющем большинстве случаев виноваты были именно девчонки. То им не нравилось, как партнеры целуются, то – как обнимают, то – как со всем остальным справляются. А если подруги в конечном итоге не успевали еще и оргазма получить, то начинались такие истерики, угрозы, царапания и удары, что мне оставалось только злорадствовать, тихо хохотать в соседней комнате и мысленно восклицать: «Так вам и надо, сучки позорные! Не хотите меня слушаться, то так и до самой пенсии оргазма не получите! И вообще фригидными станете! Дуры!»

Хорошо, что мои мысли в тот момент не прослушивались, не то бы меня так поколотили, что мама родная не опознала бы. Как правило, после таких неудачных экспериментов королева расслаблялась или со мной, или издевалась над лисичками. Те тоже в притеснении слабого и маленького товарища моральными терзаниями не омрачались.

Как это ни странно могло прозвучать, но я, со своей стороны, даже гордился иногда своими умениями в наших ролевых играх. Потому что в течение первых пятнадцати минут мог доставить оргазм всем троим. Потом, в течение часа, еще по одному разу. А когда наши игрища растягивались на несколько часов, то любая из моих подружек получала восторженное блаженство и все три, а то и четыре раза. Правда, мне при этом они и сами частенько помогали, но кто лучше меня знал все их эрогенные зоны? Кто лучше меня ведал об их привычках и предпочтениях? Кто лучше меня умел предугадывать любое их желание лишь по движению ладошки или измененной модуляции голоса? Правильно – никто! Жалко, что мои умения, знания и врожденные данные пламенного любовника из подруг никто никогда не ценил. Все свои ярко выраженные удовольствия они приписывали только себе, ну и, вполне естественно, непревзойденному таланту «ее величества».

Правда, я чаще и чаще в последнее время стал ловить себя на мысли, что внутренне начинаю обращаться к Машке с какой-то издевкой и уничижением, добавляя к обращению одно словечко: «ваше мелкое величество». И всеми силами старался сдерживаться и не ляпнуть при Марии подобное обращение вслух.

Вот так и жил под гнетом непонимания и оскорблений.

А забывать о мыслях про самоубийство мне помогало стремление к знаниям, повывисшаяся тяга к учебе и возросшие невероятно объемы технических работ. Работал и учился я как проклятый, осознав наконец такое понятие, как «тягловая лошадь». Изматывался полностью и порой даже засыпал с раскаленным паяльником в руке. Но только оставаясь в своей комнате или на чердаке деревенского дома в Лаповке, я обретал себя как личность, начинал полноценно жить и порой забывал о жгучей ревности к своим подругам. В некотором роде мне удалось даже создать маленькое государство в государстве, четко ограничив в моей технической вотчине любые импровизации, игрища и попытки повеселиться. Вначале лисички, а потом и само «ее мелкое величество» стали с уважением относиться к многочисленным полкам, баулам,

этажеркам и развешанному повсюду хламу. И когда я покрикивал на них: «Не трогайте это!» – лишь презрительно кривили губки, выдавали очередное оскорбление и с гордым видом давали понять, что плевать они на меня хотели. Но – отступали! Так что некоторыми победами в плане своего освобождения из рабства я тоже понемногу стал гордиться. Увы! Если бы только это помогало избавиться окончательно от ревности и остальной зависимости в нашей компании!

Но опять-таки возвращаясь к техническим средствам. Уже на осенних каникулах предпоследнего года обучения мы значительно попытались расширить и сгустить нашу сеть наблюдения как за лесом, так и за участком прилегающей к нему каменной гряды. Но тут нам страшную подножку подставила погода: ранние холода вкупе с проливными дождями и снегом обрушились на нашу голову совершенно неожиданно. Мало того что мигалки срабатывали спонтанно, когда и как хотели, так они еще от влаги выходили из строя, и вся наша сеть превращалась в тончайшую, еле видимую паутинку.

Первые несколько дней каникул я еще мотался по лесу как угорелый, гоняя более здоровых, чем я, раза в три подружек, как только вздумается. Не обращал при этом внимания ни на кашель, ни на сухость в горле, ни на ломоту в костях. Как следствие: на четвертый день свалился в горячке. А накануне повалил такой густой снег, что уже к утру Лаповка осталась без связи, электричества и годных для проезда путей сообщения. Так что меня опять лечил своими народными средствами дед Назар. В бессознательном состоянии я провалялся около шести суток и помню этот отрезок времени лишь как сплошной, обволакивающий все тело жар. Жар вытягивал из меня все жизненные соки, выжигал внутренности, испепелял сознание и с самого начала настойчиво твердил: «Ты умрешь!» Наверное, и умер бы, если бы не прохладная благодать на моем лбу. Кто-то догадался класть мне на голову то ли и холодный компресс со снегом, то ли просто мокрую тряпку, но именно эта божественная прохлада и удержала мою ниточку жизни возле искалеченного тела. Если бы не это чудесное охлаждение лба, жар бы меня умертвил.

Очнулся я ранним утром и начал со стоном шевелиться, одновременно потирая слипшиеся глаза. Тотчас спальня наполнилась шумом, забежали вокруг подружки, засуетился дед Назар, принесли свет, и показались мои родители. Оказывается, они только пять минут назад добрались сюда на арендованном джипе через двухметровые сугробы. И впервые они мчались сюда с нехорошим предчувствием, особенно мать рыдала, когда узнала о моей болезни и

полностью бессознательном состоянии:

– Я знала! Я чувствовала! Что-то случилось с Боренькой!

– Ну теперь уже все хорошо, – пытался я улыбнуться.

– Как ты себя чувствуешь?

– Кушать хочется.

– Ха-ха! – кричал на всю избу от радости дед Назар. – Я верил, что мед и чай на травах его спасут! В нашем роду все крепкие!

Когда он разговаривал, то делал это настолько громко, что оглушал всех окружающих. Понятно, что и в ответ он требовал подобной громкости. Но в тот миг он мне казался самым родным и близким спасителем. Потому что вряд ли кто из девчонок догадался положить мне на лоб охлаждающий компресс.

За два дня меня подлечили, а потом и забрали всех четверых в город. И уже там мы на очередном совещании нашей развеселой компании несколько переориентировали наши усилия. В подобную непогоду заниматься слежкой с помощью мигалок оказывалось практически бесполезно. Зато зимой по следам в снегу будет легко определить, кто, куда и откуда пошел. Так что на зимних каникулах мы наметили задействовать максимум визуального наблюдения. Ввести три раза в день лыжные дозоры, которые по намеченной по карте лыжне будут обязаны проверять не только проблематичные квадраты наблюдений, но и все остальные места.

А установку остальной, в том числе и самой дорогостоящей, техники решили отложить на летний период.

К сожалению, нашим зимним планам не суждено было осуществиться. Те первые снега, которые замели Лаповку, оказались и почти единственными снегопадами. Потом пришла так доставшая в последние годы слякоть, промозглость и порывистый ветер. Так что ни на зимних, ни на весенних каникулах мы ничего толкового не выследили. И лишь закончив предпоследний год обучения и сдав два положенных экзамена, поспешили в Лаповку с огромным багажом

заготовленных технических новинок.

Мало того, уже в то лето мы стали исподволь готовить наших родителей к нашей полной самостоятельности. Для этого мы расписали весь летний период на несколько дальних походов в сторону глухого и труднопроходимого леса. Даже обозначили на картах свои стоянки возле озер и ручьев, обрисовали будущих соратников по походам как опытных и проверенных туристов и добились полного благословения в наших затеях. Все это мы проделали благодаря моему предположению:

– А вдруг нам придется следить за Грибником день, а то и два? Да и кто его знает, что в той дыре? Вдруг придется еще на день-два задержаться, двигаясь по тоннелям? Вон Яшка до сих пор не вернулся.

– Да что с дурака взять! – хихикнула Катька.

Но Машка ее осаждала:

– Вот потому мы и умники, чтобы все правильно предвидеть! – А на меня посмотрела с удивлением: – Пончик и в самом деле умнее становится, или мне показалось?

– Конечно показалось, – приревновала Вера. – Хотя считает он и в самом деле лучше всех, но к уму это не относится.

Я глупо улыбнулся и предложил:

– А давай я и вас посчитаю?

То есть косить под полного идиота у меня тоже с каждым разом получалось все лучше. Но мой план приняли и после доработки Машкой блестяще претворили в жизнь. То есть у нас всегда теперь были развязаны руки для любого дальнего или близкого путешествия.

Лето оказалось обильным на удачи. Вначале мы опять столкнулись лицом к лицу с Грибником. Было это в конце июня, сразу после рассвета, и нам буквально чудом удалось влезть в тренировочные костюмы и успеть все в тот же

магический квадрат под номером восемь. Невзирая на обильную росу, близняшки сразу бросились в овраг, намереваясь подсмотреть за таинственным незнакомцем оттуда, а мы с Машкой приняли сильно вправо, заходя гостю навстречу. Потому как поняли, что он движется по прежнему маршруту. Причем у каждой пары было по видеокамере, а у каждого из нас имелось ларингофонное переговорное устройство с наушником, и мы могли слушать друг друга одновременно. На тренировках мы отработали и краткость речи, и сжатость передаваемых текстов, и навыки незаметной видеосъемки, поэтому действовали довольно грамотно, ловко и на удивление успешно.

Плюс ко всему девчонки в последнее время и в спорте достигли немалых вершин. Теперь они играючи, невзирая на свои шестнадцать лет, могли завалить, а то и прибить насмерть любого мужчину в одиночку, а уж если действовали группой, да имели в своих руках оружие, то и представить страшно их суммарную силу. Скорее всего, именно потому Верка подала идею просто навалиться на Грибника со всех сторон, пленить, связать, а уже потом спокойно разузнать все тайны про дырки и все остальное. Причем эта идея рассматривалась всеми тремя на полном серьезе. И я до сих пор не осознаю, скольких усилий мне стоило отговорить подруг от этой безумной затеи. Понять не могу, что на них подействовало: мои слезные уговоры или все-таки наличие здравого смысла?

Но в тот памятный день мы действовали строго по предварительным договоренностям и натренированным наработкам. Даже я со своей одышкой успел добежать до определенного места вовремя. Как раз действия стали разворачиваться возле самого оврага, и поступил первый доклад от шепчущей Катерины:

– Мы его видим! Но даже пошевелиться не сможем, заметит сразу.

Понятно! Скорее всего, они и снять его не смогут на камеру! Теперь моментально верное решение приняла Мария:

– Борька! Маскируйся вон там, сам ни в коем случае не высывайся, но камера пусть снимает уже! Давай!

А сама отступила чуть назад по тропе, рассчитывая совершить встречу именно в том самом удобном для нашей видеосъемки месте. Маскироваться я умел, а

маленькое и худенькое тело только помогало в любой партизанской войне. Да и камеру я установил чуть в стороне от себя: даже если меня и заметят, выволокут на тропу и что-нибудь сотворят, то съемка в любом случае продолжится.

У нас было рассчитано все по минутам. Причем мы ориентировались на большие шаги взрослого мужчины. Если загадочный незнакомец появится здесь через пять минут, значит, он с тропы никуда не сворачивал, ничего не искал и ничего не прятал.

Грибник появился ровно через четыре минуты. Застывшая за толстым стволом Мария заметила объект первая и как ни в чем не бывало поспешила навстречу. Не доходя друг до друга, оба ранних грибника притормозили, осматривая друг друга с ног до головы, но девочка заговорила первой:

– Доброе утро, дяденька! А вы моего папу не видели? В такой желтой ветровке?

– Не видел, – проворчал незнакомец, пристально оглядываясь при этом. Хорошо, что я лежал уткнувшись лицом в траву и больше всего боялся чихнуть. – А ты откуда будешь, молодка?

– Из Лаповки! Это тут рядом, знаете?

– Как не знать, – хмыкнул Грибник, еще раз осмотревшись, а потом резко пригнулся в сторону собеседницы: – Иди домой! Немедленно! И забудь о нашей встрече!

Я слышал каждое слово, а вот все их действия просмотрел уже потом, в записи. Из гордой фигурки моей подруги словно воздух выпустили. Плечи поникли, взгляд уперся в тропу, и она безмолвно отправилась в сторону нашей деревни. Тогда как странный незнакомец постоял еще около минуты, внимательно осматриваясь и прислушиваясь к каждому лесному шороху, а потом чуть ли не бегом поспешил дальше.

Только когда стих почти не слышный топот его ног, я решился приподнять аккуратно голову и осмотреться. У меня и мысли не возникло преследовать Грибника и выслеживать его дальше. Подхватив камеру, я стремглав бросился вслед за Машкой. Догнал ее уже за оврагом, шедшую в сопровождении кружащих вокруг нее лисичек и односложно отвечающую, что идет домой. Точно

такой же синдром очумления наблюдался и в случае с Катюшей прошлым летом. Так что мы не сильно-то и обеспокоились. Проводили нашу королеву во двор, затем сразу потащили на чердак и уже там приступили к обмену мнениями, просмотру записи и обсуждению. Тем более что эмоций и впечатлений оказалось выше крыши.

Машка забыла все начисто. Даже того момента не помнила, как отдавала мне распоряжения. Память оборвалась даже до того, как она услышала сообщение от Катерины, что они на виду и следить дальше не смогут. Большое впечатление на нее оказала и просмотренная запись, где больше всего нашу королеву поразила ее собственная покорность.

– Вот гад! – возмущалась она. – А я всю жизнь была уверена, что не поддаюсь гипнозу! Как же он это сделал?

– Ты меня спрашиваешь? – работая интенсивно на клавиатуре, спросил я. – Он не захотел со мной поделиться опытом. Но, судя по его виду, он бы и с бандой разбойников справился.

– Гипнозом? – засомневалась Вера.

– Ха! Гипноз для глупых детей и деревенских простачков, – не сдержался я от фырканья. – Ты к его рюкзаку присмотришься внимательнее. А под брезентовой курточкой что у него топорщится? Уж никак не грибы и ягоды!

Действительно, при увеличенных и застывших кадрах мы прекрасно рассмотрели и явно заметную тяжесть в рюкзаке, и многочисленные угловатые выпуклости под тканью куртки. К сожалению, можно было только догадываться, что у него там да из чего сделано. Но Мария, мнящая себя непревзойденным знатоком во всех видах холодного оружия, сразу стала тыкать пальцем в монитор и давать объяснения:

– Здесь у него явно просматривается перевязь. Вот и на груди заметно продолжение с многочисленными карманами, скорее всего. Там могут быть как ножи, так и все, что душе угодно. Пояс тоже легко замечается по слишком уж непропорционально расставленным бедрам. И на этом поясе может находиться даже больше оружия, чем на перевязи. Плюс странный, явно не отечественного покроя, внушительный рюкзак. Если учитывать, что этот дядька здесь бродит

частенько, то он, скорее всего, какой-то контрабандист и промышляет доставкой либо оружия, либо наркотиков. А скорее всего, и того и другого вместе.

– Ну и как ты себе это представляешь? – высказал я здоровый скепсис. – Он вылезает из одной дыры, спешит во вторую и там пропадает на несколько месяцев. Да? И что же это тогда за тоннели такие, которые ведут к этим дырам? Один тянется из Ирана, а второй уводит в Финляндию? Ни за что не поверю!

Кажется, наша королева смутилась:

– Но ведь что-то же он носит!

– Да хоть ядерную бомбу! – разорвался я. – Но теперь даже не думайте на этого монстра планировать хоть какое-то нападение! Он таких сотню, как вы, на портянки порвет и не заметит. Вся наша задача отныне заключается только в одном: отыскать конкретные точки ухода и прихода этого Грибника. Никаких встреч или даже случайных столкновений. Вы только присмотритесь, с каким подозрением он осматривался вокруг напоследок! Если он чего заподозрит – пропадем, как Яшка. Так что полностью меняем нашу тактику.

От такой долгой речи, а самое главное, наглой и до скандала смелой у меня пересохло во рту, и я сделал паузу. Зато наша лидер опомнилась и чуть ли не с кулаками на меня набросилась:

– Чего это ты командовать полез, Подошва? То от него слова уважения или почитания не дожدهшься, а то вдруг себя великим тактиком почувствовал! Закрой рот и много не болтай!

А затем и в самом деле отвесила мне обидный подзатыльник, когда я попытался еще что-то высказать. Дальше она взяла инициативу собрания в свои ручки полностью и стала грузить нас всех троих своими размышлениями и гениальными идеями. Но в итоге получились жутко странные выводы:

– Значит, так! Теперь с каждым разом будем увеличивать количество мигалок в точках предположительных выходов из тоннелей и не жалеть ставить в перспективных местах обзора автоматически срабатывающие камеры. Мы таки выследим этого гада и отыщем щели, в которых он прячется!

Лисички поддержали королеву с бурным энтузиазмом, а я только чудом подавил готовую вырваться наружу отповедь, что все сию минуту высказанное я раньше и придумал. Но, наткнувшись на злобно-угрожающий взгляд своей старшей подруги, благоразумно промолчал. Даже нечто одобрительное и восторженное промычал. Ничего не поделаешь! Как говорится, командир всегда прав! Иного не дано.

Последующие два месяца мы только и делали, что устанавливали мигалки, снимали файлы записей с видеокамер да развлекались в свободное от технических дел время ролевыми играми. И второй раз нам тоже сильно повезло.

В начале августа все тот же Грибник вдруг вышел из нагромождения скал, где и был заснят первой камерой. Деловито приблизился, прошел мимо и выпал из кадра.

Через пятнадцать минут его засняла вторая камера, установленная на уровне оврага и сориентированная на восьмой сектор. То есть мы мечтали хоть масштабно уловить точку непосредственного появления незнакомца из-под земли или ухода под землю. Но и там он ушел гораздо дальше и скрылся из виду.

А вот третья камера, со встречным ракурсом, оказалась ближе всего к месту разгадки. Грибник не дошел до нее всего метров пять, резко свернул влево, приблизился к большим ясеням и выпал из проекционного захвата. И самое главное: несколько мигалок, установленные по гипотетической прямой его следования, так и не сработали. То есть мы получили искомый квадрат, с вожаемой дыркой в тоннель, со сторонами всего лишь тридцать, максимум сорок метров!

А это, что и говорить, в тот час нам показалось невероятной удачей. Уж на таком маленьком клочке леса мы не то что люк, дырку или дверь отыщем, но и маленькую иголку обнаружим! И мы, не откладывая дело даже на один час, приступили к поискам.

Хорошо трудились, от души. Особенно девчонки помогли, потому что я со своим хлипким здоровьем больше нескольких дней не выдержал бы. Вначале проверили вглубь, вдоль и поперек весь определенный квадрат возле восьмого

сектора. Потом предприняли титанические работы по розыску искомой дыры среди скал. Потом опять вернулись к восьмому сектору. И наконец, значительно расширили границы своих первоначальных поисков. Но все оказалось впустую: ни люка, ни двери, ни даже подозрительной иголки мы не отыскивали. Но так как мы были просто уверены в своей правоте, то рук не опустили. Понимая, что мы просто не так или не то ищем. А значит, если не этим летом, то уж следующим обязательно добьемся поставленной перед собой цели.

Мелькали, правда, у меня в голове и некоторые несуразные догадки, и я ими с девочками все-таки поделился. К моей гордости, они высмеяли не все подряд, и особенно им понравились мои идеи с летающей тарелкой и межгалактическим телепортационным лифтом. В обоих случаях подразумевалась уникальная космическая цивилизация, которая сделала на Земле нечто в виде перевалочной базы или промежуточного пункта. Например, садится летающая тарелка в лес в невидимом режиме, а потом преспокойно опять улетает в вакуумное пространство. Какой-нибудь фигов марсианин переодевается по погоде грибником и валит к следующей подобной тарелке, которая ждет его среди скал.

Конечно, в данном случае при правильном логическом осмыслении эта версия не выдерживала ни малейшей критики. Зачем, спрашивается, фиговым марсианам делать посадки, если им гораздо удобнее пересесть из тарелки в тарелку на том же фиговом Марсе? Или вообще сразу отправиться в пункт назначения без пересадки?

Но девочкам эта гипотеза сильно пришлась по душе. Как и мысль с межгалактическим лифтом. Ведь каждая лифтовая шахта имеет свой конец и свое начало, а значит, во что-то должна упираться. Вот и уперли какие-то претонозойцы один лифт в Землю, а уже дальше от нее в созвездие Тау-Кита. Хлопотно, громоздко, но почему бы и нет? Теперь только остается подслушать кодовое слово, которым пользуется Грибник, и мы – фьють! Уже в другой галактике! Здорово? Еще как! Сразу становилось понятным, почему Яшка сбежал с Земли, а потом так и не вернулся в родную Лаповку до сих пор: он просто заблудился в небоскребах новой, техногенной цивилизации тау-китян. Так до сих пор на всем готовом и живет... наверное.

Это такими сказками мы себя баловали уже по пути домой и в первые вечера самого начала учебного года. Последнего учебного года в школе со средним образованием. Теперь предстояло завершить учебу на «отлично», получить

аттестат и поступить в заранее выбранное высшее учебное заведение. За себя я в этом плане не волновался: несмотря на миниатюрный рост, уродливую внешность и некое косноязычие с прорывающейся изредка картавостью, нет такого института, куда я не проломлюсь со своими знаниями. Ну разве что только те, где готовят артистов. Да и то, говорят, и там на уроков большой, непреходящий спрос. Так что я хоть и вздыхал тяжело на эту тему, но не унывал.

А вот мои подруги вдруг окончательно сбрендили. Я как-то упустил первые тревожные звоночки и не слишком-то придавал значения нашим отложенным или отмененным ролевым играм. Как и не слишком принохивался поначалу к специфическому запаху. Прошляпил тот самый важный момент, когда еще можно было остановить, забить тревогу, незаметно подключить родных. Да и тех самых личностей, которые каким-то образом сумели пристрастить моих подруг к алкоголю, я так впоследствии и не высчитал. Скорее всего, произошло наложение многочисленных и сильно различных между собой факторов, которые и привели к плачевному итогу. А итог получился и в самом деле весьма печальным: Марии, Вере и Катерине очень понравилось хмельное состояние. И они окунулись в омут разудалого пьянства не просто с головой, а и со всем остальным, потерявшим последний стыд телом.

Они стали пить чуть ли не каждый вечер. Чуть ли не каждый вечер знакомиться с новыми парнями. Чуть ли не каждый день после занятий приходить ко мне, снова выпивать и снова надо мной измываться. Потом они уходили на танцы, снова пили и снова вступали частенько в спонтанные половые связи.

Началась самая черная полоса в моей жизни. Если раньше меня хоть иногда выслушивали и били шутя, то теперь затыкали рот сразу и били весьма болезненно. Если раньше меня хоть как-то щадили и хоть изредка называли по имени, то теперь оскорбления и обидные прозвища сыпались на мою голову постоянно. Если до этого меня чутко уважали в технических вопросах и не осмеливались хулиганить в моей лаборатории, то теперь мне смеялись в лицо и ударами каблуков корежили с таким трудом, скрупулезностью и старанием созданные устройства, приборы и аппаратуру. Про нашу великую тайну Грибника девчонки стали забывать уже к празднику Нового года, а когда я о ней пытался напомнить, грубейшими словами мне советовали забывать про эту ерунду и не сердить их больше своим занудством.

Я еще в те месяцы дико удивлялся только одному: как мои подруги все-таки регулярно умудрялись посещать три раза в неделю тренировки по единоборству

и два раза в неделю ходить на занятия по фехтованию? Видимо, здоровье у них было более чем отличное, раз ослабленный алкоголем организм выдерживал такие конские нагрузки и перенапряжения. А силу их стальных мускулов мне приходилось ежедневно ощущать на своих недоразвитых конечностях.

Вскоре моя относительная свобода в короткие периоды вечера и ночи встала им поперек горла. Вследствие чего подруги стали на мне срывать свое раздражение в каждом отдельном случае и делали это так, чтобы я практически не имел возможности учиться.

– Красный диплом хочешь получить? – с пьяной улыбкой ехидствовала Машка. – А зачем он тебе? Раб обязан выполнять волю только своей королевы!

– И ее амазонок! – встревала со своим пьяным лепетом со стороны то ли Верка, то ли Катька. Как это ни казалось странным, но сильно нетрезвые они мне тоже казались на одно лицо, и я начинал их путать.

– Вот-вот! И вообще, раб должен быть тупым, безграмотным и покорным! Это еще великий Цезарь сказал. Правильно?

Возражать в таких случаях и указывать на ошибки я опасался, позволяя себе только соглашательски кивать и радушно улыбаться. Но и это не всегда срабатывало.

– Молчишь? К бунту готовишься? – заводила себя наша лидер компании. – Хватайте его! Он едет с нами на танцы! Пора приобщать его к великой музыке.

Хватали. Приодевали порой как клоуна. Везли с собой в такси или на машине очередного ухажера. Заставляли пить и смешить всех остальных собутыльников. Заставляли выделять несуразные па, называя это современными, обязательными для каждого молодого человека танцами. И называли все это сплошным весельем. Причем веселье продолжалось порой до утра, чаще всего на квартире у лисичек, родители которых в последнее время вынуждены были работать в другом городе. Меня запирали на кухне, заставляя делать коктейли, готовить чай или кофе, а сами, в зависимости от количества набранных кобелей, разбредались с ними по комнатам.

Машка, естественно, пользовалась самой большой спальней с родительской кроватью, а лисички уходили с поклонниками в свои комнаты. Чаше приводили кого-нибудь одного, стараясь при этом подсматривать и чуть ли не влезать в одну кровать. Когда парень начинал «буксовать» на эту тему, комплексовать или возмущаться, его без церемоний, чуть ли не пинками вышвыривали за дверь и отыгрывались на мне в наших ролевых играх. Частенько Машка и над лисичками измывалась сверх меры. А если она еще и не получала оргазма от слишком торопливого поклонника, то ее дикость могла напугать кого угодно. Помню, однажды я находился в одной из спален и, прислонив ухо к стене, прислушивался, что творится в главной спальне. И весь содрогнулся, когда слышался истерический вопль нашей королевы:

– Ах ты козел! Ты чего так поторопился?! Ублюдок! Пошел вон! Выбрось его!

Тотчас к делу подключилась Катерина и со злобным рычанием и оскорблениями вышвырнула несчастного паренька вместе с его одеждой на лестничную площадку. Тогда как Машка стала командовать оставшейся возле нее Вере:

– Катька, ко мне!

– Да я не Катька... – попыталась та возразить, уже догадываясь, что ей сейчас предстоит делать.

– Мне плевать! Работай!

– Но ведь он туда...

Звук громкой пощечины прервал слабое возмущение, а ядовитое шипение заставило даже меня поежиться:

– Не зли меня!

Вскоре из главной спальни раздались хорошо знакомые мне постанывания, переходящие в крики блаженного оргазма.

И подобные сцены происходили не раз, затягивая Марию, а вместе с ней и обеих лисичек в странный сгусток самых негативных и аморальных противоречий, в

омут распушенности, пьянства и откровенного бесстыдства. Ну а меня – толкая в водоворот безысходности, отчаяния и новых, все чаще меня посещающих, мыслей о самоубийстве. Приходило понимание, что еще месяц, максимум три таких «сплошных веселий» – и от моего красного диплома останется только разухабистая фи́га, мои мечты добиться чего-либо своими знаниями окажутся размазаны по грязным простыням, а мое непреходящее похмелье от насильно вливаемого алкоголя станет нормой жизни. Тем более что я понимал: с моим здоровьем любой алкоголь для меня смертельный яд. Более чем несколько лет я не выдержу и быстро помру от пьянства. Вот такие дилеммы передо мной встали накануне моего семнадцатого дня рождения. И честно признаться, я не знал, как с ними бороться. Да что там не знал: предположить не мог, настолько потускнели и увяли мои фантазии. Учителя поражались моей резкой деградации, но к концу третьей четверти все еще продолжали, скорее по инерции, ставить мне пятерки. Но это был уже предел – жалость даже к калек не бесконечна.

Мало того, я заметил, что нас стали бояться. И я не оговариваюсь: именно нас, моих подружек и меня в их числе. Если уже давно все сверстники побаивались только девчонок, то с недавнего времени и от меня стали шарахаться как от огня. Некоторое время я не понимал подноготную такого отношения, пока со своим талантом подслушивать и подсматривать не стал участником одной весьма неприглядной сцены.

Мои три подруги окружили оставшегося наедине здорового парня из параллельного класса и засыпали его со всех сторон вопросами:

– Привет! Как дела?

– Чем занимаешься?

– Маленьких обижаешь?

– И на калек тоже поглядываешь?

– А за здоровье свое при этом не беспокоишься?

– Или совсем жить надоело?

- Или ручки укоротить?
- Да вы чего? – побледнел парень, прижимаясь спиной к стене.
- Зачем вчера Борю Ивлаева обидел?
- Больше поиздеваться не над кем?
- Думаешь, большой, так все можно?
- Так он ведь сам на меня налетел, сам упал, я его и пальцем не тронул.

Действительно, я вчера и в самом деле совершенно случайно столкнулся с этим парнем на повороте коридора, даже сам извинился и побежал дальше, сразу забыв о происшествии. Так что никакой обиды не было и в помине. Но мои подруги, видимо, считали не так, намереваясь низко и подло отомстить отработанными среди них методами. Причем еще и морально вначале стремились добить свою жертву:

- Пальцем, говоришь, не тронул?
- А малый, значит, сам упал?
- Ха! Ты Сашку Болдырева давно видел?
- Знаешь, почему у него рука в гипсе?
- Он ведь тоже говорил, что Борьку пальцем не трогал. Зато теперь три поломано.
- Тебе тоже так нравится?

Я и не помнил отчетливо, когда и как подобное произошло, и только смутное мелькнуло воспоминание, что вышеназванный Болдырев просто недавно сказал в мой адрес всего лишь несколько пренебрежительных слов. И вот какую получил расплату! Пока я содрогался от предчувствия самого ужасного,

униженный и запуганный парень, заметив в руке у Верочки раскачивающийся кистень, побледнел еще больше и залепетал:

– Девочки, простите, я совершенно нечаянно! Больше такого не повторится!

Лисички замерли, готовые к немедленной атаке, тогда как последнее слово должна была сказать королева. И та, видимо, решила не рисковать: слишком много приоткрытых дверей выходило в, казалось бы, пустое место.

– Ладно, на первый раз прощаем.

И парень на полусогнутых рванул в сторону всеобщего школьного шума.

Потом мне еще удалось узнать про аналогичное поведение, только с несколько иным уклоном и свойствами. Все три мои подруги не стеснялись шантажировать и требовать чего угодно от своих временных, всего лишь на одну случку ухажеров. Да так требовали, что те готовы были на кого угодно броситься, что угодно совершить и чем угодно откупиться, лишь бы больше никогда не испытывать морального давления со стороны своих временных любовниц. Наверное, все эти волокиты-бабники не раз проклинали последними словами тот час, когда они польстились на милые, очаровательные мордашки и возбудились при виде изумительных фигурок. И с явным опозданием припоминали прописную истину: змеи ведь тоже бывают прекрасны в своей брачной расцветке, но менее ядовитыми от этого не становятся.

Но они хоть имели возможность сбежать. Или откупиться и опять спрятаться. У них имелись шансы даже не встречаться больше с истеричной любовницей до конца жизни. В крайнем случае выполнить ее просьбу и опять остаться в океане относительного спокойствия. Я же этого всего не имел. Мое озерцо жизни бессильно плескалось, зажатое тремя угрюмыми скалами, затеняющими свет, лишаящими надежды истечь в расщелины, вырваться рекой на пространства, испариться в чистое небо или просто вскипеть под ударами пылающей лавы. А уж слиться с другим озером или океаном мне и подавно не было суждено. Единственный, самый яркий и печальный пример – тому подтверждение.

В середине третьей четверти, впервые за последние несколько лет, я совершенно случайно обратил внимание на одну девочку. На год младше нас, вся какая-то хиленькая и нескладная, она сильно прихрамывала и пользовалась

палочкой при ходьбе. Что-то кольнуло у меня в душе, когда я рассмотрел ее, идущую мне навстречу и сгибающуюся под тяжестью своего рюкзака с учебниками. Так и не понял, что заставило меня заговорить:

– Привет! Ты тоже здесь учишься?

– Ага! В девятом «Б», – с готовностью заговорила девочка, скидывая рюкзак на подоконник и довольная представившейся передышкой. – Уже три месяца в этой школе. И тебя видела не раз. У тебя ведь три сестры, правда?

И столько зависти прозвучало в ее словах, что я сразу понял, насколько она одинока и несчастна. Уж ей-то наверняка ничего в жизни не светило, и такой грозной защиты за своими плечами она никогда не почувствовала.

– Правда, – продолжил я разговор. – Но мне приходится самому учиться только на «отлично». Сама понимаешь.

– Слышала, что ты тянешь на красный диплом.

– Как же иначе? А у тебя как успехи в учебе?

Девочка ответила не сразу, а потом призналась, словно самому близкому и родному человеку:

– Неважно. Вечно грустно, скучно и печально. Никак не могу собраться. – Она попыталась прямо взглянуть мне в глаза. – Но сейчас я исправлюсь! Обязательно исправлюсь! Точно-точно исправлюсь! И буду учиться только на «отлично»! Как ты!

Сглотнув комок, подступивший к горлу, я постарался улыбнуться.

– Вот это – самое правильное! Мы с тобой должны надеяться только на себя.

Мы еще несколько минут поболтали об отвлеченных пустяках и разошлись с самыми светлыми воспоминаниями о встрече. Ничего друг другу не обещая и ни о чем на ближайшее время не договариваясь.

Зато наш разговор не ушел от внимания общественности. Болтовня двух калек-недоростков бросилась в глаза многим, и те стали делиться информацией с другими. Дошла эта информация через два часа и до моих подруг. Еще оставался один урок, когда они на последней переменке устроили со мной разборки. Катька, оставшаяся у двери, дождалась, пока помещение покинут все одноклассники, закрыла дверь на швабру, и все трое подступились ко мне с ехидными улыбками:

– Никак наш Пончик встретил свою Дюймовочку?

– Или, может, Подошва ищет новый каблучок?

– Наших ему уже для остроты ощущений не хватает?

Я редко краснел, но тут мои щеки и уши запылали не столько от стыда, сколько от гнева, потому как сразу догадался, о ком идет речь.

– Вы о чем? Мы даже не познакомились! Просто поговорили про учебу!

– Хо-хо! И договорились о совместных занятиях на дому?

– Ты хочешь ее подтянуть в математике? Или анатомии?

– И чем тебе эта замухрышка приглянулась?

– Ни о чем мы не договаривались! – продолжал защищаться я с отчаянием. – И как вам не стыдно говорить такие глупости?! Она же несчастная калека!

Машка схватила меня за волосы и развернула голову к себе:

– Вот так ты ставишь вопрос? Калечную пожалел? Значит, ей нельзя, а тебе можно? Мало того что над нами измываешься, так еще и над ущербной вознамерился?

– Что ты несешь?..

– А ты на что рассчитываешь? – Второй рукой «ее мелкое величество» чуть не выламывало мне челюсть, но обращалась она теперь к лисичкам: – Что мы с ней сделаем?

После чего все трое, словно участвуя в соревновании на самый жуткий сценарий фильма ужасов, описали мне все свои действия.

Я, конечно, вполне справедливо сомневался, что они ВСЕ угрозы приведут в действие, но и сотой доли мне хватило для сковавшей меня слабости и страха. С той поры я больше вообще старался ни к кому не подходить, а уж тем более заговаривать. Лишь один раз мне удалось столкнуться с той маленькой, неразвитой телесно девочкой и быстро прошептать:

– Извини! Но мне запретили с тобой даже разговаривать! Боюсь, как бы тебе не сделали больно! Мужайся и будь лучшей в учебе!

Кажется, она поняла, в чем дело, потому что слухи о троице моих покровительниц бродили по школе только в виде страшилок и жутких легенд. Надеюсь, она и в самом деле поняла смысл жизни и выбрала на ней правильную стезю.

Тогда как для меня пропал даже свет в конце тоннеля.

Глава седьмая

И пришла та ночь!

Последние свои весенние каникулы мы решили, как всегда, провести в Лаповке. Вернее, решили не мы и уж тем более не я, а Машка, вообще съехавшая к тому времени с катушек. Причем она назначила сразу два больших мероприятия: отметить в деревне вначале свой, а потом и мой день рождения. Для этого были составлены программы, приглашены гости из числа кандидатов в любовники девчонок и составлен четкий график их приезда. Дополнительно парням вменялось привезти как выпивку, так и отменную закуску в четырехсоткилометровую даль, взять гитары, красиво одеться и завалить нас

соответствующими подарками.

День рождения двойняшек намечалось отпраздновать первого апреля уже по возвращении в город.

Наша Лапа встретила преотвратной погодой: то дождь с ветром, то снег с порывами вьюги. То резкая волна тепла, то лужи, прямо на глазах покрывающиеся льдом. Почти все мигалки за время нашего длительного отсутствия вышли из строя и бездействовали. Полученное на их починку время в полдня позволило заменить питание только у некоторых да заменить десяток штук на более влагозащитные. Больше мне работать не дали, заставив встречать первых гостей, прибывших на двух машинах.

В тот день праздновали Машкин день рождения, прошедший еще два дня назад и приуроченный к нынешнему застолью. По моему скромному мнению, гулянка удалась. Единственной девице, прибывшей с гостями, Верка, как только стемнело, расцарапала лицо и двинула два раза под дых. Первую волну пьяной драки как-то погасили общими усилиями и вновь уселись за столы. Но потом что-то нехорошее вякнул ухажер той девицы, и его поддержал родной брат пострадавшей. Алкоголь, видимо, ребятам затуманил мозги, и они по собственной глупости возжелали справедливости. Не повезло им. На глазах всех остальных гуляющих троица моих подружек избил обоих парней и приказала им выметаться вместе с первой пострадавшей.

Уж насколько были пьяны избитые ребята, но и они сообразили: если хотят остаться в добром здравии, придется ехать немедленно, несмотря на дальнюю дорогу, наличие патрулей ГИБДД, глухую ночь и плохую погоду. С нами должно было остаться еще два парня, которые вроде как ко всему увиденному относились вполне нейтрально. Как казалось! Но на самом деле тоже сильно струхнули и решили тихонечко слинять под шум дождя. Делая вид, что просто хотят отодвинуть свою машину в сторону, давая проезд другой, они долго не возвращались со двора, пока давно стихший гул моторов не зародил в Машке подозрений:

– Борька! Ну-ка глянь, чего эти козлы там телятся!

Понятно, что вышеназванных представителей животного мира, которые телиться не могли изначально, я во дворе не увидел. Как и их машины. Только

сиротливо поскрипывали раскрытые настежь покосившиеся ворота.

В дом я возвращался с опаской, начав доклад еще из сеней:

– Все уехали! Может, чего прикупить забыли?

Никому не желаю ощутить на себе те три взгляда, которые вонзились в меня и чуть не прожгли насквозь. Слишком хорошо я изучил подружек, чтобы не понимать весь риск моего положения и насколько мне сейчас достанется. Наверняка ведь сорвут на мне всю злость и горечь неиспользованных желаний. Единственное спасение, возможное в моем случае, было немедленно броситься к храпящему деду Назару и устроиться до утра у него под боком. Но мне в тот момент пришла в голову другая идея.

– Подать вина ее величеству и их высочествам! – высокопарно крикнул я в сторону и тут же сам себе услужливо ответил: – Будет исполнено!

И бросился с самыми что ни на есть лакейскими замашками обслуживать своих рассвирепевших подружек. Какой-то момент моя задумка висела на волоске, но Машка все-таки шумно фыркнула, получая в руку красивый бокал, и пробормотала:

– Ну-ну! Старайся, раб, старайся! Может, немножко нас и задобришь.

Пришлось в ту ночь постараться, хоть и кривя душой. Я выкрикивал, какую доблесть королева и ее амазонки проявили при захвате несметной добычи, и указывал на ломящийся от выпивки и закусок стол. Я распинаясь соловьем, расписывая их изумительные по точности и силе удары, которыми они разогнали численно превосходящую армию противника. Я расписывал, как воинственно и прекрасно смотрелась наша королева в своем справедливом гневе и милосердной справедливости. В общем, рот мой не закрывался, выдавая жуткую пургу. Но подружек это усмирило. Они даже похихатывать стали и мне подыгрывать. Не замечая, как интенсивно я стараюсь смешивать спиртные напитки для них и насколько коварно и много подливаю воды для себя.

Шампанского, коньяка, водки и пива у нас бы хватило на полдеревни, так что свою задачу по спаиванию я перевыполнил с запасом. Первой лицом в объедки на столе ткнулась Катерина. Потом упала с лавки и больше не делала попыток

подняться Вера. Дольше всех, пытаюсь мутными глазами рассмотреть творящееся вокруг нее безобразие, продержалась Машка. Что-то ей слишком не понравилось в этой пьянке, но она никак не могла понять – что конкретно. Тогда как главный лакей продолжал создавать шум, мельтешение вокруг ее величества, кричать нужные тосты и бравурные здравицы. И в результате таки впихнул во внутренности продолжавшей оставаться в сознании стервозы две дополнительные дозы. Этого уже и ей хватило, после чего я уселся на лавку, чувствуя во всем теле дикую усталость и озирая оставшееся за мной поле боя.

До такой степени девчонки вроде еще никогда не напивались. А тут подходили только под одно точное определение: «дрова». Как с подобными дровами обращаться, я знал и даже имел некоторый опыт, но вот вполне справедливо опасался завтрашнего дня, когда эти «дрова» очнутся, превратятся в ходящих Буратино и начнут припоминать, кто это их так «выстрогал». Не надо быть папой Карлой или умной Тортилой, чтобы догадаться: все шишки на этот раз свалятся не на Карабаса-Барабаса.

Поэтому я первым делом разнес каждую тушку на ее кровать, уложил на бок и подставил рядом, так сказать под морду лица, по тазику. Потом начисто убрал из горницы все, все, все следы излишеств, закусок и алкоголя. Ну и самое главное – написал крупными печатными буквами на большой картонке сообщение для деда Назара. Мы так всегда делали, если хотели от него что-либо ранним утром, иначе он погрязал в хозяйственных делах окончательно и бесповоротно. Записка было довольно короткой, но обстоятельной: «Дедушка! Мы все сильно приболели. Приготовь нам, пожалуйста, завтрак!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/yuriy-ivanovich/nayti-sebya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)